

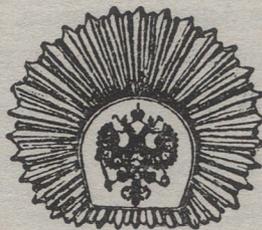
№ 70

Ноябрь 1964 год

ГОД ИЗДАНИЯ 13-Й

ВОЕННАЯ СЛЮБ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Редакция журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», с глубокой скорбью, извещает о кончине своего дорогого друга и сотрудника, лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка, генерал-майора

Ипьи Николаевича Оприца

Панихида была отслужена у Кадетской Лампады в Храме Знамени Божией Матери 10 октября 1964 г. в Париже.

Редакция «ВОЕННОЙ БЫЛИ», с глубокой скорбью, извещает о кончине своего дорогого сотрудника есаула Оренбургского Казачьего войска

Николая Николаевича Мензелинцев

Панихида была отслужена у Кадетской Лампады в Париже 10 октября с. г.

СО Д Е Р Ж А Н И Е :

Генерал-лейтенант Григорьев, директор Первого кадет. корпуса — князь Н. В. Химшиев.	1
Газовая атака — В. Дрейер.	5
Плен и побег (оконч.) — Владимир Рыхлинский.	7
Из переписки трех Преображенцев — сообщ. С Андоленко.	14
Смерть Императора — пер. бар. Будберг.	17
Русские офицерские знаки — Евгений Молло.	21
Штаб добровольч. корпуса Свет. Князя Ливен — Н. бар. Будберг.	29
Маневры под Каширой — Б. Г.	33
По поводу фальсификации прошлого — А. Левицкий.	34
Дело полковника Мясоедова — князь П. Ишеев.	35
Воспоминания быв. юнкера Алексеевского в. уч. — В. Федуленко.	37
Симбирский кадетский корпус — сообщ. Б. Ермолов.	39
Хроника «ВОЕННОЙ БЫЛИ».	40
Обзор военно-исторической печати.	42
Воинская жизнь за рубежом.	44
Письма в Редакцию.	45

Подписка принимается на **ШЕСТЬ** номеров, начиная с № 70 по 75 включ. Подписная цена: зона франка — 20 фр., зона фунта — 30 шилл., зона доллара — 5 ам. долларов на **ШЕСТЬ** номеров. Почтовый счет во Франции: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.
Всю переписку по издательству направлять по адресу Редакции:
61, rue Chardon-Lagache, Paris 16.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — 61, rue Chardon-Lagache Paris (16) MIR 72-55

13-й год издания

№ 70 НОЯБРЬ 1964 Г.

BIMESTRIEL. Prix — 3 Frs

Генерал-Лейтенант Федор Алексеевич Григорьев Директор Первого Кадетского Корпуса

(1905—1917).

хороший сон... Подробности, конечно, исчезли из памяти, осталось лишь общее впечатление. Поэтому я позволю себе ограничиться лишь общим обзором его деятельности, а детали к оценке положенного им труда по воспитанию юношества историк найдет в архивах в обильном количестве.

В начале января 1905 года (кажется — 5-го) наш директор генерал В. И. Покотило был назначен Ферганским военным губернатором, а вместо него был назначен директор Воронежского корпуса генерал-майор Ф. А. Григорьев.

С большим интересом ждали кадеты своего нового начальника. В лице уходящего В. И. Покотило заканчивался тот суровый режим, который великолепно вышколил кадет в дисциплинарном отношении, но в то же время всегда держал массу в напряженном, нервном состоянии, которое в любой момент и по любому поводу могло принять бурные формы. Тем не менее простились кадеты с В. И. Покотило тепло и сердечно, ибо велико было в массе обаяние сильной воли и справедливости, которые он олицетворял собою.

Когда он вышел из Сборного зала, где состоялось прощание с прежним директором и встреча нового, и появилась затем импозантная фигура «добродушного толстого дяди из провинции», у всех нас как-то сразу отлегло от сердца. После его вступительной речи, в которой он отметил, между прочим, что с чувством особой гордости вступает в управление старейшим корпусом с его блестящей и обязывающей историей, все невольно почувствовали, что повеяло теплом и сердечностью и успокоенная молодежь с доброй улыбкой на устах принялась за свое обычное дело.

Затем, в отдельной беседе с офицерами-воспитателями, он прежде всего отметил, что подробно знаком уже с хорошо налаженной деятельностью корпуса, выразил безусловное доверие к персоналу и просил продолжать свою работу в том же направлении, твердо рассчитывая на полную поддержку с его стороны. И действительно, за все время службы под началом генерала Григорьева я не помню ни одного случая, когда бы он вмешался в будничную работу воспитателя и так или иначе затормозил бы ее. Он очень осторожно подходил ко всем педагогическим вопросам и больше всего оберегал авторитет воспитателя. Он никогда и ничего не предпринимал по отношению к отдельным кадетам без ведома и согласия воспитателя и ротного командира, в отношении общих распоряжений — без обсуждения намеченной меры в ротном или общем комитете. На первых порах, пользуясь его доступностью, кадеты часто обращались к нему по личным делам, но он неизменно направлял их к воспитателю. В последние годы моей службы я уже таких случаев не помню.

Усилил авторитет воспитателя до максиму-

ма и всецело опираясь на него, он получил возможность сосредоточить все свое внимание на вопросах общего характера.

Первый вопрос, с которым столкнула его жизнь, был вопрос о курении. При генерале Покотило велась напряженная борьба с курильщиками по обыкновению — безуспешная, но часто создававшая весьма натянутые отношения между воспитателями и кадетами, так как персонал никогда не встречал в этой борьбе поддержки среди родителей и общества и поэтому всегда был одинок. Генерал Григорьев взглянул на это просто. При первом же обнаруженном случае курения, Федор Алексеевич собрал 1-ую роту и объявил, что сам он курит с 13 лет, подвергнулся в корпусе весьма суровым наказаниям и все-таки продолжает курить и до сих пор. Зная по опыту, что тому, кто курит не из молодечества, а успел уже привыкнуть, отвыкнуть трудно, он решил допустить в 6 и 7 классах курение с тем, чтобы кадеты курили и хранили табак и папиросы только в определенных для этого местах и чтобы твердо помнили всегда и везде, что он не разрешает курения, ибо не имеет права разрешить, а только «допускает», как неизбежное зло. Лично Федор Алексеевич из этого секрета не делал и о принятой им мере было известно и Великому Князю Константину Константиновичу.

Не поддается описанию тот бурный восторг, с каким встретили кадеты это заявление. С другой стороны только старый, опытный воспитатель может понять, какая масса дисциплинарных проступков, имеющих свой корень в борьбе с курением, была сразу вычеркнута из обихода на много лет вперед. Практическая целесообразность этой меры сказалась очень быстро. К концу учебного года, около 20 проц. курильщиков, очевидно куривших из молодечества, бросили курить. Стало не интересно. А затем, в последующие годы никогда не наблюдался такой высокий процент курильщиков, каковой бывал замечаем до принятия этой меры.

В воспитательном отношении, Федор Алексеевич тоже изменил сразу и довольно резко общий характер работы. При первом же удобном случае он, с большим подъемом, объявил во всех ротах, что ненавидит ложь и не уважает лгунов, поэтому всякий, кто сразу сознается в своем поступке и, вообще, будет правдив, может быть уверен, что понесет наказание вполтину меньше, чем заслуживает, а может быть, смотря по обстоятельствам, наказание ограничится лишь разъяснением проступка. Для лгунов — пощады нет!

Это был переворот в мирозерцании кадета. До этого времени, понятие о гражданском мужестве, о необходимости говорить правду, сознаваться в проступках и т. д. были извест-

ны кадетам, как идея, как добродетель, которую очень опасно применять на практике и которую поэтому не применяли. С появлением заинтересованности, эти добродетели стали проявляться, сначала — просто из практического интереса, а потом — постепенно превращались в привычку, давая общие контуры благородного характера.

Под руководством Федора Алексеевича, мне посчастливилось сделать полный выпуск, то есть провести отделение с 1-го класса и до последнего (1907-1914 г.г.). В младших классах у меня были случаи запирательства из боязни наказаний, но в 7 классе о наказаниях уже не думали и сознавались в своих прегрешениях сразу, не задумываясь. Это явление наблюдалось и в случае групповых проступков. Всякому понятно, в какой степени это облегчало работу и как много устранялось поводов к столкновению между воспитателями и кадетами.

Вообще, с появлением Федора Алексеевича, кадеты сразу и заметно успокоились и приобрели большую уравновешенность. Все манеры нового директора как-то невольно внушали спокойствие, кроме того, Федор Алексеевич очень любил все, что заслуживает похвалы, хвалить вслух, а что заслуживает порицания, порицать, по возможности, наедине. Этот интересный педагогический прием очень быстро установил атмосферу удовлетворения и довольства.

В основу всей своей деятельности, по воспитательной части, Федор Алексеевич сразу положил принцип контролируемого доверия и полного уважения к личности кадета. Чуткая молодежь, конечно, сразу оценила это, очень дорожила доверием и не злоупотребляла им.

По своим педагогическим взглядам Федор Алексеевич был враг наказаний и принятая им система как нельзя более соответствовала этой идее. При нем чаще всего применялись наказания, налагаемые комитетом, главным образом — сбавки баллов за поведение, а обиходные наказания почти совершенно вывелись просто за ненадобностью, ибо создалось такое настроение кадет, что в подавляющем большинстве случаев достаточной мерой воздействия являлось простое внушение. Из обиходных наказаний применялось сокращение отпуска, редко — лишение, а для малышей — непродолжительный штраф и лишение игр (посидеть на скамейке), как меры успокоительные. Арест, как таковой, не применялся. Из двух карцеров один был превращен в склад разного имущества, а другой служил для бесед наедине воспитателя с кадетом. Редко когда сажали туда на 1-2 часа кадета, но и то не ради наказания, а чтобы дать ему возможность успокоиться и одуматься. В последнее время и кадеты смотрели на карцер, как на отдельный кабинет, где

они могли сосредоточиться на своих личных делах и часто обращались к дежурному офицеру с просьбой разрешить занять карцер, чтобы приготовить уроки или написать письмо.

С первого же дня не понравилась Федору Алексеевичу и та обстановка, в которой жили кадеты. И действительно, куда, бывало, ни глянешь — повсюду унылые стены и не на чем глазу остановиться. Если это не имело серьезного значения для малышей, большую часть проводящих свободное время в подвижных играх, то для взрослых кадет это было уже серьезным лишением, ибо сосредоточие в классе лишало возможности уйти в себя и задуматься на том, что кадета интересует. Зал и коридор 1-ой роты — это были стены, нескладно неудобных скамеек, картинок, фотографических групп и... все убранство. Наш великолепный сборный зал не имел совершенно никакой мебели, никаких украшений и освещался 6-ью или 8-ью уличными дугowymi фонарями, только величественные портреты Императоров как-то конфузливо жались к стенкам... Эта унылая обстановка очень не понравилась Федору Алексеевичу и он вскоре начал говорить о том, что теперь и казармы устраивают уютнее и удобнее, а тем более корпус необходимо обставить так, чтобы кадет мог и отдохнуть в свободное время и, кроме того, воспитывался бы самой обстановкой.

«Я не могу себе представить», говорил Федор Алексеевич, «чтобы кто-нибудь рискнул бросить окурок на пол в хорошо обставленной гостиной, всякий непременно поищет пепельницу».

Совершенно естественно, что эта идея потребовала больших средств и осуществление ее растянулось на несколько лет. Но отсутствие средств не могло остановить Федора Алексеевича, вообще — хорошего хозяина. Он нашел поставщиков, которые приняли его заказы в рассрочку, а для получения средств он использовал свое право принимать сверхштатных всекоштных кадет. Остаток от расходов на воспитание и содержание их по закону поступал в распоряжение директора на непредвиденные расходы. Таким образом наш корпус возрос с 550 кадет по штату до 800 человек, в распоряжение директора стали поступать большие средства и все его начинания могли осуществиться.

Улучшение быта началось с улучшения пищи, благоустройства лазарета и приведения ротного зала 1-ой роты в благообразный уютный вид. Появилось свыше 100 хороших стульев, разные столы, шахматные столики, рояль, два аквариума, большой и малый, освещенных разноцветным электричеством и обильно снабженных разными видами рыб, террариум, картины, фотографии и т. д. Для ротной ико-

ны был сделан роскошный дубовый резной киот, ружья были перенесены в ротный зал, поставлены по сторонам иконы в больших пирамидах и таким образом послужили и для украшения зала. С осени, в одном из углов зала был поставлен большой круглый стол, освещенный особой лампой под хорошим абажуром и организована читальня. Для ухода за аквариумами и террариумом были назначены любители-кадеты по их собственному желанию.

С лета и Сборный зал стал приобретать свой художественно-величественный вид.

Для отделки зала был приглашен художник и по его чертежам была выполнена мебель, массивные дубовые двери и подставки под портреты. Уличные фонари были убраны и вместо них вновь водворились, оборудованные для электрических свечей, наши исторические люстры, выдавшие еще времена Екатерины Великой, но затем, по какому-то печальному недоразумению попавшие на чердак и мирно там покоившиеся в пыли и грязи.

Впоследствии была великолепно оборудована столовая, — роскошные дубовые буфеты, серебро, всевозможная посуда и т. п., в ротных умывальных устройствах великолепные ванны для мытья ног с холодной и горячей водой; заново была отремонтирована баня и устроен громадный бассейн с проточной водой для плавания. Словом, нет той мелочи в обиходе корпуса, на которую не обратил бы внимания Федор Алексеевич и наш корпус его заботами очень скоро потерял свой сугубо-казарменный облик и приобрел вид хорошей, благоустроенной квартиры большого масштаба.

Попутно нельзя не отметить, что в смысле внешней благовоспитанности улучшение обстановки и быта действительно оказались сильным воспитательным средством.

Заботясь о благоустройстве своего лазарета, Федор Алексеевич тем не менее с первого же года установил как правило — к трудно-больным кадетам приглашать на консилиум профессоров-специалистов, а если по ходу болезни необходимо было постоянное наблюдение профессором, то такого больного устраивать в образцовые клиники и все расходы принимать на счет казны.

Все это кадеты, конечно, видели, знали, ценили и совершенно понятно, что Федор Алексеевич в необыкновенно короткий срок приобрел глубокую и прочную любовь нашей искренней и чуткой молодежи, которую он тоже горячо любил и берег, как своих детей. Самые прозвища его дышат нескрываемой и ясно выраженной симпатией: сначала его называли «добродушный дядя из провинции», но затем очень скоро перешли на прозвище «папаша», в котором звучала уже не только симпатия, но и благодарность за заботы. Малыши его еще на-

зывали «Дядя Пуп» и при этом неизменно лицо у них расплывалось в широкую и добрую улыбку.

К концу 1904-05 учебного года отношение кадет к Федору Алексеевичу уже установилось прочно, общее настроение молодежи стало уверенно спокойным и благодушным и корпус пошел вперед плавно и легко, без толчков и сотрясений.

В таком благоприятном состоянии был наш корпус, когда в конце 1905 года налетел на него революционный шквал. Как мы пережили это время я в общих чертах уже описал в своем очерке «Двадцать лет назад» и здесь отмечу только, что обаяние личности Федора Алексеевича, его настойчивый, но мягкий режим, разрешение издавать собственный журнал «Кадетский Досуг» (по тому времени — шаг не лишенный некоторого риска), организация за личной ответственностью читальни (журнал и читальня сыграли роль великолепной отдушины), его большая педагогическая чуткость и умение решать очередные вопросы практически целесообразно, не считаясь с формальными препятствиями, наконец, его отзывчивость, в силу которой он охотно шел навстречу своим питомцам во всем, что не противоречило целям воспитания, все это вместе дало возможность корпусу в самые трудные минуты продолжать свой путь так же спокойно, плавно и уверенно, как и до октябрьских событий.

Занимаясь общими делами, Федор Алексеевич не забывал, однако, и того, что управляет «старейшим» корпусом, история которого очень его интересовала и которую он начал добросовестно изучать. Хотя, к сожалению, история нашего корпуса еще не написана, материалы разбросаны и носят преимущественно эпизодический характер, но тем не менее они достаточно ярко обрисовывают высоко полезную деятельность корпуса, стяжавшую ему неувыдаемую славу и придавшую его истории исключительный блеск. Нет частей и учреждений, кроме может быть 3-4 гвардейских полков, которые могли бы состязаться в блеске своей историей с историей нашего корпуса.

И вот, изучая исторические материалы, Федор Алексеевич не только проникся благоговением к блестящему прошлому своего корпуса, но и вдохновился мыслью вернуть ему прежний блеск и славу.

Какая смелая мысль!... И, казалось, безнадежная!...

Но масштаб задачи и трудность исполнения ее, по обыкновению, не испугали Федора Алексеевича. Прежде всего, он обратил внимание на то, что корпус не праздновал 150-летнего юбилея, так как был в это время переформирован в военную гимназию. Поэтому он решил возбудить ходатайство о разрешении вместо

пропущенного 150-летнего юбилея отпраздновать 17 февраля 1907 года — 175-летний юбилей. Успех ходатайства необходимо было подготовить дипломатически, так как политическая обстановка (начало 1906 года) и отношение высших военных сфер не благоприятствовали этому.

По счастью благоприятно сложилась обстановка в другом отношении. Великий Князь Константин Константинович благоволил лично к генералу Григорьеву и к нашему корпусу. Его благоволение особенно усилилось после блестящей деятельности корпуса в период революции 1905 года. При содействии Великого Князя, удалось довольно скоро получить Высочайшее разрешение на празднование юбилея, но без расходов от казны, так как вообще 175-летние юбилеи по правилам праздновать не полагалось.

По получении разрешения, Федор Алексеевич начал немедленно готовиться и к самому празднованию. Всею душой и всеми помыслами он ушел в это дело. Работа его пошла по двум направлениям: у себя в корпусе необходимо было изыскать большие средства и выработать сложную программу празднования, притом такую, чтобы всем наглядно показать исключительный блеск нашей истории и навсегда запечатлеть ее в сердцах кадет; а вне корпуса — дипломатически подготовить то, что могло быть только мечтой и что так мучительно хотелось претворить в жизнь.

В интимных беседах Федор Алексеевич высказывал свою мечту — видеть Шефом нашего корпуса, как было в старину, Государя Императора. Но говорить об этом вслух, конечно, нельзя было; просить о такой Монаршей милости — тем более, а в то же время нужно было как-то навести на эту мысль и доказать, что корпус заслуживает такой высокой милости.

Это была задача исключительной трудности, ибо в высших военных сферах к этому относились определенно отрицательно: предварительные беседы установили там наличность твердого убеждения, что такая высокая честь может принадлежать лишь строевой части. С отделением специальных классов (военные училища) корпус потерял на это право и потому не сохранил и Шефства.

Кажется, эта честь действительно по наследству от корпуса перешла к Павловскому военному училищу. Было много и других препятствий, которых я теперь уже не помню, наконец корпус не имел уже того значения, как раньше.

Дипломатическая подготовка велась в глубокой тайне и никто из нас не знал, какими именно путями Федор Алексеевич подготовлял осуществление своей мечты. Может быть в

архивах корпуса и найдутся какие-нибудь следы этой работы, но для нас это так и осталось тайной. Увенчанная успехом, эта тайна составляет неопределимую заслугу генерала Григорьева перед историей корпуса и ставит его имя, как директора, на недосягаемую высоту.

Последние дни перед юбилеем Федор Алексеевич, сохраняя внешнее спокойствие, волновался страшно и не мог ни на чем сосредоточиться. Последнюю ночь, уже во дворце, он напролет не спал. Но как он был счастлив и как сиял, когда Государь Император объявил, что принимает на Себя звание Шефа нашего корпуса!...

Восторг присутствовавших на этом историческом параде не поддается никакому описанию!... С небывалым подъемом был отпразднован наш счастливый юбилей. Феерически красивая обстановка празднования придавала сказочный характер нашему торжеству. Рота Его Величества преобразилась совершенно: озаренные Высочайшей милостью кадеты стали гораздо серьезнее относиться ко всему и с исключительной заботливостью оберегать свою репутацию. В силу подражания — за ними тянулись и мальчишки. Так это повелось и дальше. Это был новый и могучий фактор воспитательного влияния, который помог генералу Григорьеву довести корпус в воспитательном отношении до небывалой высоты.

Принятие Государем Императором звания Шефа нашего корпуса, зачисление в списки Наследника Цесаревича, как кадета и последовавшие затем знаки Монаршего благоволения обратили внимание всего общества на наш кор-

пус и поэтому многие родители стали добиваться чести определить своих сыновей именно в ПЕРВЫЙ корпус.

Таким образом смелая мысль Федора Алексеевича — вернуть корпусу прежний блеск и славу — претворилась в жизнь.

С началом революции (1917 г.) генерал Григорьев закончил учебный год и вышел в отставку. А вместе с ним закрылись светлые страницы и нашей истории.

Будем верить и надеяться — не навсегда!

Эпохи генерала Григорьева и его предшественника генерала Покотило тесно связаны между собою и в общем составляют один из наиболее светлых периодов нашей истории. Генерал Покотило выполнил большую подготовительную работу, главным образом в смысле дисциплинирования массы. Генерал Григорьев сообщил этой массе плавное поступательное движение, довел воспитательную часть до небывалой высоты, в 1905 году с честью и без малейших потрясений вывел корпус из революционной бури и, наконец, приблизил корпус к Трону и вернул таким образом ему прежнюю славу, которую корпус заслужил, воспитывая почти 200 лет юношей верными слугами своего Отечества и Престола.

Да простится мне смелость моя, но я совершенно искренне и убежденно полагаю, что в истории корпуса имя генерала-лейтенанта Григорьева должно занять самое почетное место и я нисколько не ошибусь, если скажу, что Федор Алексеевич Григорьев — это наш второй граф Ангальт.

Князь Н. В. Химшиев

Газовая атака

В начале августа, напротив позиций 275-го Лебединского, которым я командовал, и соседнего, справа, полка той же 69-ой пехотной дивизии, из немецких передовых окопов каждую ночь начали слышаться какие-то подозрительные шумы. Ничего точно узнать не удалось, тем более, что вскоре эти шумы прекратились. Только позже мы поняли, что немцы, установив баллоны с хлорным газом, ждали благоприятного западного ветра, чтобы отправить нас на тот свет.

Думая о возможной газовой атаке, я начал принимать меры. Были проверены газовые угольные маски; для себя, на всякий случай, я получил вторую; все солдаты в окопах также их получили. Не доставало только для стоявших в дальнем резерве и для большинства

деньщиков. В приказе по дивизии рекомендовалось всем, кому нехватит масок, закрывать рот и нос смоченной в какой-то медицинской жидкости марлей. И жидкость и марля были выданы.

Находясь всегда вблизи позиции, я неизменно, руками своей саперной команды соорудил деревянный дом из двух комнат для нас с деньщиком, с обращенной к тылу террасой. На всякий случай, весь этот барак был окружен снопами соломы, которую полагалось зажечь, как только появятся газы. Уверяли, что газы не проникнут тогда внутрь дома.

В тот памятный день, мой деревянный домик, отчасти прикрытый тенью единственного дерева, находился рядом с третьей линией окопов, где располагался батальон резерва, а вбли-

зи был выстроен командный пункт с блиндажем, с заранее проведенными к позиции линиями телефонов.

Часа в три дня бригадный генерал Котлубай звонит из дивизии и говорит:

— Я хочу приехать к вам вечером, и не один; пойдем сначала на позицию, а затем посидим, поговорим.

Я сразу понял, что без шашлыка и выпивки не обойтись и что под «аллаверды» этому кавказцу нужна будет и музыка. Послал в обоз за своим квартетом, мобилизовал повара Павла, не забыл и «Напереули» — красное кавказское вино типа бордо, доставленное мне как-то из Кисловодска отпускным солдатом.

Появляется Котлубай и с ним две наши «зубодралки», наряженные, надушенные, веселые. Ни о какой позиции, конечно, не было и речи. Осведомился только:

— Что у вас слышно? (так обыкновенно спрашивали в Польше), и затем — к столу, на террасу.

И вот, под звуки рыдающей скрипки, в обществе двух милостивых женщин, за великолепно сервированным ужином, в тихую августовскую ночь не заметили, как шло время, и когда мой чудесный грузин, после неоднократного «аллаверды» и «мравалджамие», взглянул на часы, была уже полночь. Ни одного выстрела за все это время не раздалось со стороны немцев. Казалось, что все происходило — и ели и пили мы — не здесь, у порога смерти, а где-то далеко, в каком-то загородном ресторане, не то в Петербурге на Островах, не то в Одессе, на Большом Фонтане.

В первом часу гости уехали, я лег спать. Вдруг сквозь сон чувствую, что что-то происходит. Открываю глаза, слышу сильные артиллерийские взрывы и падение, как град, шрапнелей на крышу моего дома. Кричу:

— Молчанов, давай живо одеваться!

Едва успел надеть штаны и влезть в сапоги, в комнату вбегает, с лицом искаженным от ужаса, офицер и от волнения едва произносит:

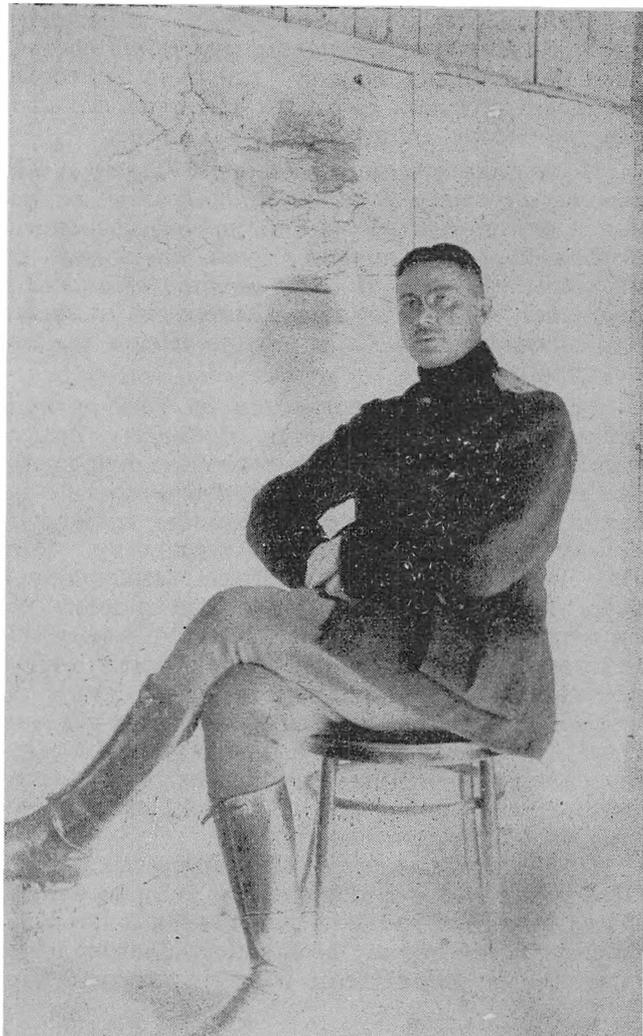
— Господин полковник, газы! Немцы пустили газы! — и убегает в свою роту.

В мгновение ока я был одет, и к деньщику:

— Давай маску, одевай сам и зажигай солому!

Натягиваю маску, волнуясь, и, о ужас! резина, что одевалась на голову, лопается. Чувствую уже запах хлора. Молчанов немедленно снимает свою маску и подает мне, а сам бежит к чемодану, вытаскивает мою запасную и надевает на себя.

Дежурный вестовой уже поджег солому и все вокруг моего дома запылало. Направляюсь к командному пункту, отдаю по телефону, сквозь маску, нужные распоряжения и одновременно рассылаю ординарцев к батальонным

Полковник Ген. Штаба В. Н. фон-Дрейер.

командирам.

Было около двух часов ночи, когда первая волна газов целиком покрыла все расположение полка, до полкового резерва включительно. За ней последовали еще две волны, пущенные противником в 4 и 6 часов утра. Стрельба артиллерийская и ружейная не прекращалась ни на минуту. Вслед за третьей волной, когда она прошла тыл полка, немцы двинулись в атаку.

На всем моем фронте она целиком была отбита; в соседнем полку немцы взяли пленных и пулеметы.

Потери от газов и последовавшей за ними атаки были огромные. Выведено из строя: около 1.200 солдат, большая часть умерли; 18 офицеров — умершие или тяжело отравленные; много санитаров, очищавших утром окопы и снявших раньше времени маски, скончались

позже в лазаретах. Почти все деньщики, у которых не оказалось масок, а была только марля, скончались на месте в тяжелых страданиях. На позиции находилось 26 лошадей, доставивших накануне продовольствие; все они подохли, мучаясь и исходя пеной.

Страшную картину представляла вся местность, где накануне все было покрыто зеленью, а после газов осталась желтая, как солома, трава и такие же деревья. Всюду, едва передвигаясь и тяжело дыша, ползали полевые мыши

и лягушки; в соседней речке плавали мертвые рыбы.

Не снимая маски в течение пяти часов, едва не задохшись, я благополучно вышел из тяжелого испытания, но в продолжении месяца с трудом ходил и совершенно не мог ездить верхом. Отпущенный для поправления здоровья на три недели в Москву, в середине сентября я вернулся в полк, продолжавший вести до самой революции неинтересную и безотрадную позиционную войну.

В. Дрейер.

Плен и побег

(Окончание).

Чудесное утро. Осень только начинается. Если ночь свежа, — нас много в теплушке и мы не чувствуем утреннего холода, — но днем солнце пригревает, как в Крыму. На душе покой, главное сделано. Я бежал.

Поезд катится к северу, куда, мы точно не знаем. Перед станцией Курск, ко мне подходит молодой человек. Я узнаю его: это вольноопределяющийся-артиллерист, которого я часто встречал на Нахимовском проспекте. Он всегда очень вежливо отдавал мне честь. «Господин проручик, я вас хорошо знаю. Хотите, берите мою фамилию и... наказание, — заключение в концентрационном лагере до конца гражданской войны, — я бегу к Махно...». Сказано — сделано: я беру его чин, фамилию, наказание, которое, при первой возможности, заменю на более выгодное... Главное, я не обязан больше отзываться на фамилию «Кильчевского». Поживем — увидим!

Мы — в Курске. Выход с этапного лагеря, грязного до невозможности, свободен. Здесь, в других обстоятельствах, выдал-бы себя с головой. Захожу в книжный магазин, конечно — государственный. Продавщицы, три хорошенькие барышни или дамы, смотрят на меня с безразличием. Но, вот, не думая ни о чем, я бросился к стойке с французскими книгами, схватил брошюрку о художнике Валятон'е и погрузился в чтение. Только прочитавши страницу, я взглянул на барышень. В свою очередь, они смотрели на меня с изумлением: оборванный, грязный, конечно — вшивый, с бородой красноармеец читает французскую книжку, да еще посвященную искусству!...

Снова катимся. Прошли Орел, идем к Брянску. Там на сборном пункте «возмутительная»

новость: меня «стрелка Владимира Василенко», которого фамилию и вину, очень незначительную, я взял на себя, не внесли в список защитников Советов. Что же я должен делать? «Иди, товарищ, куда хочешь, а нам не мешай работать. Иди на этапный пункт...». Направляюсь по указанному направлению и в пустой, почти без мебели комнате, нахожу сидящим за столом, на котором валялось две или три бумажки, товарища начальника, не то бывшего матроса, не то молотобойца. При моем появлении он вскочил со стула и весьма вежливо выслушал мою жалобу на беспорядки в сборном пункте и, без промедления, приняв во внимание мое патриотическое (в тогдашнем смысле слова) настроение, направил меня в 19-ый Советский стрелковый полк, вместе с группой пополнения. И так с концом сентября 1920 года я сделался стрелком 19-го Советского полка и, начиная с этой минуты, почувствовал себя в полной безопасности и находил мое существование забавным и занимательным, — ведь недаром будучи учеником Киевского 2-го реального училища, принимал самое деятельное участие в любительских спектаклях... «Роль», которую я начал играть, была куда увлекательнее! я был и автором сценария и артистом... К тому же, «декорация» — полна поэзии: конец сентября, солнечного и теплого в течение дня, со свежими ночами, все наполнено запахом антоновских яблок, которых урожай в этом году был чрезвычайно обильный. Не портил настроения унылый вид барачков, весьма легкого типа, где на нарах в три этажа, без сенников, на голых досках спали невольные «защитники» советов, по большей части — по два, чтобы согреться под старой ши-

нелю или сермягой, принесенной из дому.

Мне пришлось спать с турком, бывшим военнопленным, а потом волонтером в дивизии генерала Ревизиша. Он меня узнал, хотя я и недолго служил в кавалерии... «Я тебя знаю, господин поручик!» Я ему закрыл рот... Он понял мой жест и обещал молчать, тем более, что он был мне благодарен за помощь, которую я ему оказал, в свое время, изругавши молодых парней, смеявшихся над ним, когда он вечером молился на коленях, оборотясь к востоку.

Большинство солдат составляло ветераны, безжалостно мобилизованные советами, — кто не исполнял приказа о явке на сборный пункт или дезертировал, у того в наказание карательные отряды разрушали печку в доме.

Так как я выдавал себя за бывшего военнопленного, привезенного насильно в Крым из Германии, а потом воспользовавшегося поражением белых под Каховкой, чтобы перейти к красным, я сделался «экспертом» по вопросу: кому лучше сдать, белым или полякам?

Мое положение сделалось еще лучшим, когда меня заметил командир роты. Это был старый фельдфебель, маленького роста, со сморщенным, как печеное яблоко, лицом, сидевший в жарко натопленной канцелярии почти целый день. Как только мне удавалось его увидеть, я так вытягивался, что он говорил: «Видать сразу, что ты старый солдат, а не как эти, призывные».

Благодаря моему козыранию и стуку каблуками (слабому, так как мои ботинки распались), мне удалось получить отпуск в город, куда меня пригласили евреи, введенные в обман черной бородой. У них я угостился, как редко — это был ритуальный ужин в пятницу и стол сгибался под тяжестью всякой очень вкусной еды... Жалко, что меня выдал серебряный крестик и такая же иконка на шее...

В полку нам давали паек: 15 граммов сахара, две ложки пшеницы, полседетки или воблы и 100 граммов черного, плохого хлеба. Кроме этого, в полдень давался какой-то суп, в котором не было и следа мяса, и кипяток сколько угодно.

Чтобы улучшить еду, я решил дать дополнительное представление. Между поварами, раздававшими суп, я заметил старого солдата, одетого в теплый, клетчатый кафтан, что-то вроде пижамы. Эти кафтаны давались сотнями русским военнопленным по занятии Германии союзными войсками. Кроме того, я отлично знал быт пленных, будучи офицером-переводчиком Междусоюзной Комиссии по контролю Германии до моего отъезда в августе 1919 года в Добрармию. Во всеоружии моих знаний, я приблизился к моей «жертве» и едва проговорил «товарищ, ты — с Залцведела?», как тот

оставил свой котел и бросился в объятия. «Как-же, как-же, помню хорошо! Так и ты сделал такую же глупость и вернулся в «Рассею»? Четыре года ожидал увидеть своих, а теперь нет дня, чтобы не жалел... Нигде не было так хорошо, как по войне, у немцев!» «Приходи, я тебе дам столько супа, сколько захочешь! Тебе и твоим товарищам». Я был поражен, с какой легкостью я внушил бывшему пленнику, что мы были вместе в плену...

На третий день моей службы должны были начаться занятия. Воины потеряли выправку и совершенно забыли, чему их учили унтера царской армии и вот, наконец, в Брянск прибыл новый командир батальона. Все роты построились, с командирами, на лугу и ожидают прибытия нового комбата.

Ожидали мы долго, что не было трудно — солнце грело, как летом. Наконец он показался. В черной гимнастерке, в таких-же «галифэ», руки — в карманах, небрежная, развалистая походка. Презрение ко всему окружающему. Вот комбат в середине каре. Остановился (руки в карманах рейтуз). Посмотрел кругом и в ответ на команду «Смирно!» начал: «Туда вашу мать...». Самая отвратительная матерная ругань длилась несколько минут, чтобы закончиться: «Комроты, ко мне, а вы (опять длинное сквернословие) начнете занятия!».

Еще два или три дня, одиночная выправка отбывается каждое утро. Оружия мы не видим. Быть может, на самом фронте? Начинают записывать волонтеров на польский фронт. Я в числе первых; за мной следуют старые солдаты и мой турок. Перед отъездом мы все проходим перед комиссией врачей в Брянске. В пустой, холодной зале, за длинным столом восседает эта комиссия, состоящая из трех врачей, в том числе — одной женщины-врача. Все трое — евреи. Не будучи антисемитом, а скорее — наоборот, сочувствующим несчастьям этого народа, я был поражен отсутствием такта у евреев, имеющих власть. Передо мной проходит осмотр старый солдат из запасных. На правой лопатке старая, с 1917 года, огнестрельная рана, которая упорно не заживает. Он жаловался передо мною, что его, инвалида, забрали на службу — «под царем этого не было бы». И вот теперь, на моих глазах, врачи суровым, безжалостным тоном произносят: «Пригоден к строевой службе». Я подхожу к столу. Суровое выражение исчезает и заменяется приветливой улыбкой — снова моя черная, густая борода, как будто наклеенная на лицо, вводит в обман эскулапов: «Вы больны? печень? Вы еврей?» «Нет», говорю злым тоном и звеню крестиком и медальоном на груди... «Пригоден!» и я ухожу, довольный моей демонстрацией.

На третий день, накануне нашего отъезда на фронт, ночью приходит приказ отправить

всех пригодных к службе в Сибирь. Это был удар для меня. Ехать на сибирский фронт в конце сентября, имея на ногах ночные туфли. Ведь это ужас! Я помнил хорошо сибирские просторы под снегом. Делать нечего, нужно бежать... Как и куда, еще не знаю, но наверное к югу...

Погрузка происходит ночью. Светит луна. Холодно. Но в теплушках тепло — 40 человек, сидящих один около другого. Двери открыты. Впереди около дверей сидит молодой человек. Станный, в глазах что-то говорит о сумасшествии... Он громко говорит, что его мечта убить собственноручно «белого» или «буржуя».

Я заснул, чтобы проснуться в Орле. Поезд остановился далеко от вокзала на запасном пути, тянушемся вдоль поля, с которого недавно собрали картофель. Не долго думая, следуя примеру солдат эшелона, я соскочил на землю, отвечая на крик какого-то старшего: «Товарищ, не отходи далеко, мы скоро тронемся в дорсгу!» «Я — на минутку... Собрать немного картошки». Наклоняясь к земле и видя, что никто не следит, я вошел незаметно в маленькую рощицу и там услышал свисток паровоза и увидел прыгающих уже на ходу в теплушки красноармейцев... Как вдруг около меня раздался молодой голос с таким характерным украинским произношением: «Куды вы, товарищ, идете?» Смотрю, передо мной паренек лет двадцати. «А ты откуда?» — «Я — с Золотоноши...». Золотоноша, кто не знает этой «дыры», где сытно едят, поют, а Бог и чернозем стараются для ленивых хохлов? «Я туда иду», отвечаю. «А чи вы знаете дорогу?» спрашивает мой сотоварищ. «Знаю, иди за мной, дойдем...». «Мене забрали, бьют, а теперычка вывозуть до Сибирии... Я не хочу там ихати... А до дому...».

И мы пошли. Разговор замер по причине отсутствия тем. Проходим рощицу, держусь по солнцу, на юго-запад. Быть может, дойду к Крыму... На опушке рощицы новая и неожиданная встреча, которая подкрепила меня морально. С самого начала похода я решил идти только полями, никогда дорогами. Но здесь, выходя в поля, нужно было пересечь узкую, поляную дорогу. Слышу бег лошаденки и стук колес, слабый, заглушенный густым слоем пыли. На маленьком тарантасе сидит в серой бекеше молодой человек с небольшой бородкой, как «чеховские герои». Подумал. Лошаденка остановилась, как вкопанная перед нами. «Дезертиры?» ставится нам вопрос и красивое молодое лицо едущего расплывается в улыбку. «Собираем картошку», говорю и вижу, что спрашивающий не верит и смеется совершенно откровенно. «Хорошо, получите это и продолжайте ваш путь», и одновременно протягивает мне свежий, еще горячий целый хлеб, такой, какого я давно не видел. Пожал нам руки и лошаденка бодрой рысью побежала снова вперед.

Эта встреча, этот чудесный хлеб были поощрением в моем трудном предприятии. Об этом я всегда вспоминаю, когда в памяти оживают картины моего бегства.

С этого момента начался мой бесконечный марш к свободе.

Нехватало табака. Курил все, что росло: сухие листья березы были, быть может, самым лучшим, что находилось по дороге. Не хватало «печатного слова», так мужики, не читая «Правду» или «Известия», делали из них «козьи ножки». Скажу только, что самой ужасной курительной бумагой были вырванные листы «Иллюстрацион», которые мне дали в одной деревне, где находился разрушенный до фундамента барский дом...

Шли мы полями, покрытыми стернями, которые рвали наши лапти. Хорошо, что нам подавали добрые люди. Иногда, лежа за кустом, я видел конные отряды, идущие дорогой. Следовательно, моя метода была правильная: избегать битые пути... Под вечер я искал избу подалее от села и ни разу не ошибся. В такой избе обычно жила или вдова или одинокая старушка. Всегда находилось что-нибудь съесть и на дорогу кусок хлеба, картошка или каша... Мы кололи дрова, помогали хозяйке, у которой сын или внук был такой же как мы «дезентир» и где-то шел, так же как и мы — домой... Чем ближе мы подходили к Украине, тем лучше был наш стол, появилось на столе чудесное, топленое в печке, на которой так хорошо спалось, розоватое молоко, которое только украинские хозяйки умеют делать, и пшенная каша, обильно политая салом с такими вкусными шкварками.

Стало солнце золотой осени, хотя ночи становились более и более холодными. Пейзаж, чисто «левитановский», в особенности в покрытой сврагами Курской губернии, с деревьями, преимущественно березками, в прощальном красочном наряде, помимо воли припоминались мне стихи Бальмонта: «Есть в русской природе усталая нежность, какая-то боль затаенной печали...». Но еще большей грустью веяло от разрушенных, с ампирными колоннами, барских усадеб, покинутых хозяевами... Где обитатели этих, дико, по пугачевски, разрушенных жилищ? Красота исчезла из русской жизни. Ни одного интеллигентного лица, ни одного красивого женского силуэта... Наверное, такие же мысли приходили в, покрытые белыми париками, головы эмигрантов в Кобленце. Для них, кто не был в Версале, тот не жил на свете, для меня — кто не жил перед революцией, тот не знал красоты жизни...

Вот пример бессмысленного разрушения: в одной деревне, в хлеву гостеприимного мужика, я нахожу засиженный курами рояль. «Откуда он у тебя?» — спрашиваю. «Да как — от-

куда, от фабриканта бумажной фабрики. Хорошо, что я его спрятал, мужики хотели изрубить на дрова, ведь они разобрали все машины, до последней гайки, а теперь жалеют, — нет работы, нет бумаги. А от фабрики — ни следа... Все кирпичи унесены...»

Кого следовало больше ненавидеть, правящие, бездарные классы или «пугачевцев»? Не знаю...

Едва я достиг лесистой части северной Черниговщины, как глуповатый, но хитрый хохол оставил меня ранним утром. Он был у себя, на Украине. Я переменял тактику: я сделался Австрийцем, Украинцем, происходящим из Галиции, уроженцем Подкаменя, недалеко от Брод, район, который я хорошо знал по службе в 22-м Сибирском стрелковом полку в 1917 году, по приезде из Франции. В доказательство этого я показывал документ, на котором было написано, что я военнопленный австрийский солдат.

Наступил ноябрь. Солнце становилось все более и более скудным, а утром земля была покрыта тонким слоем первого снега. Я иду все далее к югу, прохожу далеко от полного поэзии прошлого городка Козельца, с чудесным храмом, построенным Растрелли. Проникаю в Полтавщину. Каким богатством, как мне казалось, дышала Украина после бедных сел центральных областей с их бревенчатыми избами, с их бедной землей... Но здесь еще больше чувствовалось враждебное отношение к советской власти, не без тоски о прошлом. Один раз я слышал от пастуха, ночью, на поле, делясь с ним вкусными печеными картошками: «Выгнали одного царя, а если бы теперь нам дали двух царей, то был бы рад. Советы ничего не дают, ни соли, ни белого хлеба». Повидимому я окреп, живя на лоне природы, продолжая мой «вуаяж», или был просто объективным наблюдателем, не знаю, но мне казалось, что на моем пути находилась настоящая концентрация прелестных украинских «дивчат», которые так заманчиво для меня усмехались, говоря со мною, покрытым насекомыми и заросшим бородой...

Была уже глубокая зима, когда я узнал о падении Крыма. Не было смысла углубляться к югу. Недалеко от Кременчуга я резко повернул на запад, чтобы «зимовать» в Киеве, если до него доберусь.

Наконец я перешел по льду Днепр и пошел по направлению к Белой Церкви. Не прошел и десяти километров, как меня остановила группа вооруженных всадников. «Кто ты?» спросил повидимому старший. «Бывший австрийский пленный». «Жид?». «Нет». «Поступай к нам». С этой минуты я становлюсь членом партизанского отряда Пана Ярого и мне вверена пулеметная команда, то есть два старых Сен-Этьенна и один Гочкис, которые никогда не стреляли, но были украшением отряда.

«Нам поможе пулемет, тай тяжка гармата Бити цих кацапив...»

Так пели мои новые сотоварищи в перемежку со старою украинскою песней «Ой на гори тай жниці жнуть, а по пид горою козаки идуть...» И дальше воспевали славу гетману Сагайдачному, который переменял «жинку на тютюн и люльку». Мы проходим селами, где нас как друзей встречает население, кормит до отвала и, что самое важное, дает сведения о карательных большевистских отрядах, которые нас ищут. Но вот темная и трагическая черта: едва мы проходим через какое-нибудь значительное селение, мои товарищи соскакивают с телег и лихорадочно ищут евреев. Но не находят их, что почти всегда случается — еврейское население спасалось под защиту советских частей и укрывалось в больших городах, преимущественно в Киеве, где позже я видел бородатых стариков с их семьями, заполняющих самые элегантные квартиры в центре города.

Однажды на ночном переходе (как нарочно, один из моих пулеметов, с задранным к небу дулом, не знаю, почему, выстрелил; так себе, без всякой причины, я дремал, а кучер, хозяин подводы, погонял лениво лошадей), передняя конная стража задержала едущую к северу, то есть к Киеву подводу. Там была старушка-еврейка с сыном, 30-летним человеком. Старуху посадили ко мне. Она громко плакала и спрашивала: «Вы меня убьете?». Ее вопрос мне показался таким чудовищным, что я пытался ее успокоить. И как раз в тот момент подбежал ко мне какой-то партизан и тихо, видимо был из новых, смущенно сказал: «Атаман казали забити старую...» Не могу описать моего возмущения таким приказанием. Отчетливо понимая, что мой отказ исполнить приказание может повредить, я кричу: «Скажи атаману, что я не убиваю старых женщин и, вообще, безоружных людей». Через несколько мгновений около меня появился, держа в руке обнаженную шашку, мой сосед по подводе, спокойный, симпатичный человек; он стащил за руку старуху, отвел на несколько шагов от телег и я услышал мольбы и крики отчаяния, которые прервались мгновенно (и навсегда) после стука клинка о что-то твердое. А там дальше, такой же крик, но мужской, отчетливо раздавшийся стук и не менее жуткая внезапная тишина...

Не прошло и недели моего партизанства, в течение которой мы все время совершали марши и контр-марши, преимущественно ночью, как мы остановились на главной улице большого, растянувшегося на версту селения. Прошло немного времени и мы, окруженные толпой женщин и детей, зажарили только что убитую свинью, начали есть аппетитные шкварки на хлебе и ожидали горячий и жирный суп. Я его попробовал, он обещал быть очень вкусным.

Как вдруг трескотня сравнительно близко находившегося от нас пулемета и град пуль, ложившихся совсем близко от котла с супом, прервали наш приятный постой. По примеру моих товарищей я вскочил на первую попавшуюся подводку, схватил только мою пехотную винтовку и понесся в противоположную сторону. Баба-кучер громко молилась, погоняя лошададку. Мы были последней телегой. Пулеметные очереди ложились сзади нас на 3,5 и потом 10 и больше метров. Когда мы выехали на вершину холма, огонь прекратился совершенно. На счастье, большевики не имели кавалерии, что нас спасло от полного уничтожения.

Проехавши еще несколько километров, мы получили приказ от Пана Ярого — «спасайся, кто может!» Я попрощался с моими пулеметами и бегом направился к ближайшему лесу. Там я нашел двух сотоварищей, одного партизана, который носил георгиевский крест на кобуре нагана и потом другого, глуповатого парня. Мы просидели целый день и ночевали в лесу, греясь один около другого... Я просидел в яме, в оттаявшей воде, которая вымочила мой ангельский документ, до вечера. Когда все утихло, моих сотоварищей не было, каждый пошел в свою сторону.

Признаюсь, я почувствовал облегчение, мог решать самостоятельно задачи, которые ставила обстановка. Я снова углубился в лесную чащу. Там старательно спрятал винтовку с патронами и, пользуясь сумерками, стоял декабрь, двинулся в противоположную сторону. Лес окончился и я очутился перед деревней. Вот и большая, зажиточная хата, поставленная сравнительно далеко от других. Стучу в двери и на приглашение открояю их. Посередине большой, украшенный вышитыми полотенцами комнаты, сидит за столом мужчина средних лет и читает книгу. Перед ним в кровати лежит молодая женщина необычайной красоты. Она, повидимому, серьезно больна, так как мечется в горячке и стонет. «Кто вы?», обращается ко мне мужчина. «Австрийский военнопленный, иду домой на Галичину», отвечаю. «Угостил бы Вас, но как видите, моя жена больная, тиф». Смотрю, книга научная. Машинально начинаю читать. Мой хозяин внимательно смотрит на меня и, спустя несколько минут, говорит: «Вы не тот, за кого вы себя выдаете. Я — председатель местного совета (рады), чем я могу вам помочь?» «Выдайте мне свидетельство, что я действительно бывший военнопленный, идущий из центральных губерний домой». Это куда лучше, чем аттестация танковых частей Его Величества (британского). Написано грамотной рукой, с печатью совета.

Благодарю и выхожу, как мне указал хозяин, по направлению к железной дороге. Мне необходимо добраться до узловой станции, что-

бы оттуда попасть в Киев. Вскрываю на площадку пассажирского вагона. Никто не требует билета, но стоящий против меня молодой человек, чисто одетый, в военной форме, завязывает разговор. Рассказываю ему мою трагическую историю, как во время Брусиловского наступления попал в плен, как теперь хочу попасть в Звенигородку, там живет тетка, беженка из Галиции». Мой собеседник усмехается и говорит: «На остановке подождите меня, товарищ, я — железнодорожный комиссар и помогу найти «вашу» тетку». Что то мне не понравилось в этом обещании помочь бедному пленнику и как только поезд, подходя к какой то станции, замедлил свой ход, я соскочил с площадки еще перед семафором.

Подождал в теплой будке стрелочника отхода поезда и двинулся к вокзалу. Еще далеко от станции, мое внимание привлек большой бревенчатый барак. Из открытых дверей его просто «валило» тепло и запах настоящих щей с мясом. Присматриваюсь к обитателям этого пункта и вижу, что это самые безобидные воины: запасные, около 40 лет, в разнородных мундирах мирного времени, то есть — двубортные черные мундиры, понятно — без погон, но с золотыми пуговицами, что делало этих воинов еще более симпатичными. Прошу разрешения войти, представляюсь, хочу показать свидетельство, что являюсь бывшим пленным, взятым на австрийском фронте... Отмахиваются руками, никто не хочет проверять документов. «Входи! наверное — голодный?» и передо мною огромная миска с горячей едой. Не отказываюсь, понятно, а мое присутствие разбудило воспоминания о «царской» войне, больше всего о том, как «вы, австрийцы, легко сдавались в плен». «Что хотите? чтобы мы сражались за немецкого царя?» Все соглашаются и хвалят «нас». Тут я узнаю, что вокзал Звенигородка лежит далеко от городка; начинаю понимать улыбку комиссара на площадке вагона, которому я обстоятельно описывал улицу и дом моей тетки в Звенигородке. Мне дают место и солому, недалеко от раскаленной, казарменного типа, печи. Чувствую себя в безопасности, все начинает меня забавлять... Тем более, что эти запасные составляют карательный отряд по борьбе с «бандитами», то есть — украинскими партизанами, которым я был всего 10-12 часов тому назад... Узнаю также, что завтра должен пойти специальный поезд в сопровождении броневика. Как попасть на этот поезд?

Действительно, утром, нахожу длинный состав теплушек. Около них суетятся солдаты, что то грузят. Вдруг, далеко слышны оружейные выстрелы. Все смотрят в поле, там видны разрывы шрапнелей. «А видите бандитов-» Говорят, но никто ничего не видит... Стрельба прекращается и броневик, весьма скромный по ви-

ду, вкатывается на станцию. Около моего состава погрузка заканчивается, но начинается ссора между высоким молодым человеком в бурке, повидимому — кокаинистом, который никого не впускает в теплушку, пустую, но занятую молодой женщиной в шубе, которая забилась в угол и молчит. Тем временем молодой человек вытягивает наган и кричит: «Я вас научу, как следует обращаться с адъютантом...» и называет какого-то «командарма». Толпа расходится, ворча ругательства. «Бурка» закрывает двери теплушки и все утихает.

Ну, а где же мне устроиться? Внезапно меня осеняет мысль, — попробую забраться на паровоз... Подхожу к паровозу. Старая машина «030», повидимому утомленная сорокалетней службой. «Скажите, товарищ», говорю, обращаясь к машинисту, «не можете ли меня взять с собою до Киева?» «А умеешь ли топить? как раз мой кочегар заболел тифом». «Умею, не мало прездил на паровозах, хотел быть машинистом». «Хорошо, входи, сейчас отъезд». Мы тронули в дорогу. Время от времени бросаю в печку огромные поленья, из которых каждое равнялось половине шпалы. Нужно было не спустить давления пара ниже 9 атмосфер (максимальное давление старика-паровоза было 12), но это так трудно без каменного угля. Целый день и ночь я бросал дрова в топку. Каждых 10 или 15 минут. Без приключений и нападения «бандитов» утречком мы докатились до Киева и остановились перед вокзалом.

Оттуда, старательно избегая длинное, безвкусное, из желтого кирпича, здание вокзала и сам город, иду вдоль железнодорожных путей товарной станции, направляюсь к костелу Св. Николая, за которым находится больница графини Игнатьевой (матери военного агента в Париже), которой заведывала в течение многих лет моя приемная мать, Е. С. Вышеславцева. «Она умерла, заразившись тифом», плача рассказывает мне нежно-любящая меня тетка, которая теперь заменяет умершую. Она передает мне письмо, написанное на смертном ложе, которое я сохраняю до сего времени, начинающееся словами: «Мой дорогой Володичка...» Дальше трудно прочитать. «Она так была горда тобой, что ты в Белой Армии.. Как она искала тебя всюду, думая найти твое тело между убитыми, когда ты, по своем приезде из Германии, уже на третий день бежал с этим длинным гусаром, остзейским бароном (Рооп), который гостил у тебя». «В городе шла стрельба, большевики уже почти взяли город.. Умершая отдалась своей работе, заботилась о больных так, что даже большевицкие газеты посвятили ей некролог, расхваливая ее заботливость и работу».

Я нахожу все мои документы тщательно спрятанными и решаю «зимовать» в Киеве,

сбрить бороду, хотя это — рискованно, и весной итти дальше на запад, теперь ничто не связывает меня с Россией.

Квартирую против оперного театра, у двоюродного брата Мити, с его молодой женой и ее племянницей Марусей, которая по примеру тогдашних девушек учится танцевать.

Мой двоюродный брат добыл где-то пишущую машину «Ремингтон» и мы занимаемся фабрикацией поддельных документов, преимущественно демобилизационных свидетельств для деревенской молодежи. Успешно подделываю печати и подписи разных комиссаров, мой талант рисовальщика с успехом применяется в этой отрасли. Митя привозит из деревень сало, крупу всех родов и тому подобное, что позволяет нам жить сравнительно без забот. Я редко выхожу в город, ставший чужим, переполненный евреями-беженцами из провинции и какими-то незнакомыми людьми. Одетый в куртку, привезенную из Германии, совершенно подобную той, в которую был одет повар 19-го стрелкового полка в Брянске, имея в кармане свидетельство, выданное моим товарищем по гимназии Семеновым, поручиком, прошедшим всю войну в плену, а теперь комендантом этапа, свидетельствующее, что я бывший унтер-офицер 22-го Сибирского стрелкового полка, я пробегая в сумерках город, идя к моим приятелям-девушкам, где смех не утихает за стаканом чая... Поздно вечером, когда возвращаюсь, в тишине слышны злоеющие залпы, доносящиеся с Липок, аристократической части города, где устроилась «ЧЕКА» и ее сотрудники. Даже пущенные в ход моторы грузовиков не могут заглушить эти залпы, «ликвидирующие» осужденных на смерть... И так каждый вечер население Киева прислушивалось к этому...

Не могу забыть чувство гордости, как боевую награду, слушая похвалы, чувствуя на себе взгляды восхищения моих бывших учителей и воспитателей, которых я нашел всех живых в том же самом здании бывшего 2-го Реального Училища. Бедные, они так похудели, так были изношены их мундиры и костюмы, что внушали мне бесконечную жалость. Какая разница между моим визитом в 1917 году, когда я только что вернулся из Франции, в свежем-сшитом в Париже мундире. С какой любовью смотрел на меня мой директор Черняев, так прекрасно сохранивший, несмотря на возраст, свою красоту, к которому я приходил вечерами на частную квартиру. Как он смеялся, когда я ему рассказывал о «страшном сне» на фронте Шампани: он (во сне) опечалил меня, требуя моей явки, чтобы пройти новый экзамен зрелости...

Пусть следующие строки будут посвящены памяти моих друзей юношества, трагически погибших в смуте. Жорж Яшгунович, талантливый переводчик Франсуа Виллон, только что

окончивший университет. И вот большевицкая революция его захватывает и вскоре же разочаровывает. Когда я встречаюсь с ним, он ненавидит большевизм. К своему несчастью он, скептически относящийся к любви, влюбляется до потери разума в институтку неслыханной красоты, как будто сошедшую с картины прерафаэлитов ангельской школы. Она становится, как много девушек и женщин из недоступной недавно для «плебса» среды, любовницей видного сотрудника «Чеки», а он погибает, расстрелянный в подвалах за какое то преступление против «народа», погружая в бездну отчаяния свою мать... Революция начинала пожирать тех, кто ей поверил..

Второй мой товарищ (мы составляли неразлучную тройку с Жоржем), еврей, совершенно обрусевший, Миша Киперман, сын директора ремесленной еврейской школы имени Бродского, миллионера, вольтерьянца, эсперантист, переходит в протестантство, пересекает Европу во всех направлениях, охотится за женщинами и перед самой великой войной переходит в православие, пожирая богословские книги. С самым началом войны поступает вольноопределяющимся в Н-ский уланский полк, отличается на фронте, чему свидетель — георгиевский крест, с началом 1917-го года произведен в прапорщики и вскоре в корнеты. В 1920 году он становится, о парадокс!, командиром «Днепровской речной Флотилии». Наш улан-моряк при встрече со мною «Белым», не скрывал своего глубокого разочарования в революции, но не открывал своих планов на будущее. Вот однажды, его отец на мой вопрос: «где Миша плавает?» ответил «вот уже неделя, как стал послушником в Лавре». Я просто ахнул от удивления. Как, в эту эпоху, когда печать начала борьбы с верою, с Богом, вступить в монастырь? Это мужество, перед которым нужно было пре-

клониться. Много лет спустя, уже в Ровно, я захожу к престарелому отцу Миши. И вот он показывает последнюю фоторафию своего сына — я был снова ошеломлен, видя на снимке архиерея, в клобуке с панагией... На другой стороне надпись: «Моим родителям их сын Миша». «Да», сказал с гордостью старик-вольтерьянец, «население считает Мишу святым...»

Но после войны 1939-45 годов я потерял окончательно связь с прошлым.

Весна 1921 года. Я снова шагаю Житомирским шоссе к западу. Это самый безопасный способ бегства — поезда тщательно проверяются. В кармане у меня свидетельство демобилизованного бывшего военнопленного, уроженца города Дубно, Волынской губернии (что совершенно правильно). Десять или немного дней и я в лесу, тянущемся вдоль польско-советской границы. По словам доброжелательных людей я должен найти ручеек, который и есть граница. Первый раз, пройдя от Орла до Киева, я чувствую такое волнение, что мной овладевает какая то слабость. Сгорбившись, сажусь на ствол дерева и слышу вопрос с кавказским акцентом: «Эй, дядя, не видел ли ты наших всадников?»

«Нет», говорю слабым голосом и, чудо, мои черкесы удаляются галопом. Собираю все силы и иду дальше. Какихнибудь пятьдесят метров дальше нахожу ручей — 15-20 метров ширины. Через него переброшено бревно. И здесь волнение и слабость достигают такого напряжения, что не могу держаться на ногах и перехожу ручеек на четвереньках...

Я — в Польше. Силы приливают. Я не только могу идти, но бегу, километр или больше. И когда — вдалеке — это было 4 апреля 1921 года — я увидел военную, нерусскую форму — я понял, что я на свободе.

Владимир Рыхлинский

Из переписки трех Преображенцев

(См. «Военную Быль» № 39).

В Воронцовском Архиве сохранилась часть переписки трех друзей, офицеров Преображенского полка, Воронцова, Арсеньева и Марина. Письма эти живо передают настроения и быт офицеров гвардии первой половины царствования Императора Александра I-го.

Марин — Воронцову 18.9.1803 г.

Мы выступили при тебе, в Красном Кабачке был завтрак и четверть часа отдыху, после которого большим шагом мы дошли до места лагеря.

Вообрази ты мое положение, всем поставили палатки, а молодой поручик на открытом воздухе и на дожде проводил время, говоря парламентские речи фельдфебелю. После двух часов такой прогулки поставили мою палатку, я влез в нее и уснул. На другой день отдых, а я в караул к Императрице и поутру на маневры. Мы атаковали неприятеля, сбили его с места и стали лагерем на высотах подле Красного Села.

На другой день неприятель поправился и сбил нас с шагу. Мы отправились на старые места. Два дня отдыха. Кирх-парад, я в карауле, потом опять маневр и неприятель к черту, на другой преследовали врагов и разбили в прах. Заходящее солнце с ужасом взирало на место сражения, открытое кустарником и засохшей травой. Ночевали на месте сражения. Прогнали повара Потемкинського, обед готовил француз, и мы ели за сорок человек. Возвратились к Красному, ездили верхом по горам, я потерял султан и был в отчаянии. Выступили в Петербург. Привал у дачи Буксгевдена, вступили в город, я ускакал вперед. Розен понес знамена...

Жизнь наша в лагере была очень веселая, все офицеры собирались к нам, а мы с Аргамковым были в ссоре за то, что обоим хотелось говорить и что оба ввали... За маневры были большие награждения, нашему хорошему командиру графу Петру Александровичу назначена была Александровская, но он от нее отказался, и так дали ему табакерку с вензелем. Ты, верно, согласен со мной и хвалишь сей поступок благородный, достойный графа¹⁾. Во все время маневров погода была изрядная и больных в нашем батальоне не было... У нас в батальоне произвели в унтер-офицеры 1-й, Черепнева, Слюнкина, 2-й, Яковлева и Горбунова, 3-й, Ремезова и Афанасьева, которого ты брал с собой, 4-й, Хабалова и Болтушкина... С

маневров мы шли через Красное повзводно мимо Императрицы, тут стоял Государь со всей свитой. Приезжий из Москвы Римский-Корсаков был тут же и, к несчастью, на кобыле. Стоящий за ним жеребец, на котором сидел Сухтелен, вздумал взобраться на предстоящую кобылу, вздумал и исполнил. Это было 10 сентября, в тот день, в который он разбит под Цурихом. На этот случай я сделал стихи:

Оставить должен ты военно ремесло,
Несчастно для тебя десятое число:
В сей день разбит ты был под Цурихом
в конец,
В сей день побил тебя в маневрах жеребец.

22.10.1803 г.

У нас опять производство в унтер-офицеры по имянному, а именно Лабутнев, Черняев и Подъячев, 4-я рота много потеряла сим повышением, ты знаешь, что это первые люди. Третьего дня был смотр инспекторский нашему полку на Царицыном Лугу, смотрел граф Толстой.

19.11.1803 г.

У нас все идет по старому, всякий день тоже да тоже. В городе беспрестанно балы, ты знаешь, как они меня интересуют, в театр я езжу чтобы дремать, ужасно скучно. Весь полк в грусти и отчаянии, наш беспримерный граф болен и болен очень дурно, ты можешь вообразить, как это всех беспокоит. Сохрани Бог от несчастья. Кто заменит его. Все Кологривовы на сцене. Как не роптать на судьбу: завернется один порядочный человек, так в миг его и нет, а бесчестные живут Мафусаиловы веки. Двое суток, как графу час от часу хуже. Завтрашний день решит наши беспокойства. Бедный Преображенский полк... Сейчас Арсеньев сказал, что графу лучше... Кирюша час от часу несноснее, а Левушка напротив. Шаховской написал прекрасную комедию на русском театре, написана во всех правилах...

22.12.1803 г.

Здесь опять шепчут о войне. Ты легко вообразить можешь, как это слово восхищает твоих товарищей. Очень хочется попробовать себя и узнать, страшна ли пуля. Я надеюсь, что ежели что будет у нас, то ты оставишь го-

ристую Грузию и приедешь к нам, вместе пойдем бить Пруссаков, и мне хочется начать с Дибичей и Дризенев, последние становятся час от часу несноснее. Ты не поверишь, как я веселюсь мыслить сей, что оставлю хоть на несколько Петербург... С неделю тому являлся к Государю вестовой Измайловского первого батальона, роты капитана Сулимы, слишком хороший цвет лица показался подозрителен Государю, он, вынув платок, потер ему щеки и чтож? О стыд! Гренадер нарумянен. Государь очень рассердился, приказал наказать солдата, который не сказал, что ему велели нарумяниться, а я отвечаю головой, что ему это приказано, я думаю, ты со мной согласен, зная всю чикотватость Измайловских... Выпиши к себе от нас Кирюшу и подари его лезгинцам, может быть, они его запродадут так далеко, что он к нам не воротится. Это одна из важных заслуг, которой мы от тебя ожидаем. Воспитатель его, поп Николай, к счастью Россиян, едет из Петербурга в отчизну, где, может быть, его повесят.

Маленькому Давыдову мыли за стихи голову, он написал «Сон», где всех ругает без милосердия. Аргамачев написал ответ:

Я лег вчерась в постелю и видел странный сон,
Мальчишку пустомелю сек розгой Апполон.
Как бог, он без притворства ему так говорил:
Ты дар мой стихотворства во зло употребил.

Ты, мальчик, зашалился, имеешь медный лоб,
Осмеивать пустился почетных ты особ.
Вступая в знакомство с знатью, дал волю языку,
За это вашу братью я розгами секу.

Тут мальчик побожился, что врать не будет он.
От сна я пробудился. Ах жаль, что это сон.

29.1.1804 г.

Простудился на параде в Крещение и сел дома. Парад был чрезвычайный. Все войска были вытянуты в две линии по Неве, и потом шли мимо Дворца по Набережной и салютовали Императрицам. Левушка ротным командиром и занимается удивительно службой. На днях было учение Семеновским и Криднер и Савельев получили шпаги, говорят, что учились чрезвычайно, да и не мудрено, лучшие люди были выбраны из 1-й и 4-й рот. Государь подошел к Козловскому, спросил: каково учились? Очень хорошо, Ваше Величество, сказал полковник, да и мы не хуже. Я уверен, отвечал Государь и пошел прочь.

8.5.1804 г.

... я не ленив, но признайся, что кто с 1790

году по 1804 беспрестанно в шеренге, беспрестанно учиться ходить, тому простительно скушать учением, прибавь еще к оному надежду встретить будущее столетие в той же шеренге, держа еспантон под приклад...

В полку у нас перемены: только что Нефедьев взят к Великому Князю с переводом в Конную Гвардию, это мне сделало ваканцию, и я надеюсь не через десять, а через девять лет быть штабс-капитаном.

Наконец я сжил с шеи Дризена и имею взвод в батальоне. Вспомни, как он над нами ломался, когда мы были на маневрах, я этого не могу без смеха вспомнить.

1.9.1804 г.

Теперь скажу тебе о маневрах, хоть и стыдно писать о них туда, где жнут лавры, но, друг мой не забудет, что кто хочет читать, тот начинает с азбуки, а в военном искусстве маневры могут равняться с диалогами. Мы выступили 2 августа ночью и на другой день стали лагерем под Петергофом. 4-го был смотр всему войску и потом церемониальный марш мимо Государынь. Под ружьем было 26.264 человека, и того же числа войско разделилось на два корпуса, одним командовал Цесаревич, а другим Михаил Ларионович Кутузов. Мы переменили лагерь, стали корпусами и начали маневры, их было четыре. Государь был доволен и объявил свою благодарность. Генералы и полковники награждены перстнями, мы — третным жалованием, а рядовые получили по 5 рублей на человека. Все говорят, что исполнения были совершенны, а Штединг, шведский министр, говорил, что он не видывал ничего совершеннее. 6-го августа у нас был праздник. Государь и Великий Князь кушали у нас в лагере, стол был на двести персон, и все было славное, обед сей, названный завтраком, стоит графу около 10.000 рублей. Мы возвратились с маневров 14 августа. Во время нашего лагеря время было отменно дурно.

Нового по полку: Запольский выпущен в армию полковником и шефом Екатеринбургского гренадерского полка, на его место входит в полковники Казаринов Николай, а в капитаны Страхов, в шт.-капитаны Дризен 2-й и Аргамачев 1-й. Говорят, что у нас многие пойдут в отставку, так что и я надеюсь быть штабс-капитаном. Вместо Арсеньева командует батальоном Путятин, а вместо Запольского — Дедюлин.

3.4.1805 г.

Ты хотел знать, в котором ты батальоне. Ты написан к Татищеву и в его роту. В полку было много перемен, много вышло в отставку,

и я из одиннадцатого сделался третьим. Учения шереножные всякой день, час от часу становясь лучше, мы достигли почти совершенства.

Полковник Козловский сделан полковым командиром под графом и я очень этим доволен, он очень хорошо ведет себя с офицерами. Скажи пожалуйста где философ Платон (Козловский)?

17.11.1805 г.

Посылаю тебе стихи, поднесенные мною Государю. Они ему очень понравились и он приказал их напечатать²).

27.12.1806 г.

От Арсеньева узнаешь, что и я адъютант. Здесь все скажут в Стрельну читать стихи, которые, говорят, написал Фельдмаршал³. Вот они:

Побью — похвалите,
Побьют — потужите,
Убьют — помяните.

Все в восхищении от сих стихов.

8.3.1807 г.

Кто один раз был в линейном сражении, тот знает, что наш брат ничего сделать не может.

29.10.1811 г.

Взбесился, Воронцов, иль тешишь сатану.
Шесть месяцев прошло, ни строчки к
Марину.
Иль бывши с Турками лишь только ты
знаком,
Расстался навсегда с Российским языком.
Но можно написать Алла, Самамилеком,
К турецкому и мы здесь, может быть,
привыкнем,
Читавши часто то, что написал Хвостов,
Гериков, Шаховской, князь Долгоруков,
Львов.

Воронцов — Марину 5.3.1804 г.

С Крещенским парадом честь имею поздравить, также и с караулами. Как я подумаю об этих караулах и что мне, может быть, скоро надо будет возобновить с ними знакомство, то по коже мороз задирает. Козловский сюда едет.

Уже давно собираюсь писать к тебе о поступке некоторого молодого философа. Долгом почитаю уведомить тебя и полк наш, что он опять обещен чрез малодушие и хвостов-

ство единого из неверных чад своих. Вся Грузия говорит о Козловском. Он покрыл себя стыдом и осрамил полк Преображенской. Я бы желал, чтобы граф Петр Александрович знал все это, он бы не так скоро согласился взять его опять в наш полк.

30.9.1804 г.

Козловский также весьма болен уже два месяца. Я должен при сем случае отдать ему справедливость, что сия кампания показала мне Козловского совсем в другом виде, нежели как я прежде о нем думал: он показал не только отменную и, по его чину, лишнюю храбрость, но сверх того неусыпно думал о своем деле, имел крайнее попечение о солдатах и, словом сказать, был бы совершенный штаб-офицер, ежели бы не мерзкая привычка все хулить, хвастаться и прочее. Впрочем он служить здесь не хочет и, ежели его не переведут, то пойдт в отставку⁴).

Воронцов — Арсеньеву 23.6.1805 г.

Почти все по старому, только что учения замучили, таскаемся всякой день в грязи по колону. Я служить охотник, но то беда, что я в 3-м батальоне. Командир наш Яков Иванович Дедюлин весьма доброй человек, но слаб да и недавно женился. Батальон совершенно им забыт, ротные командиры, кроме меня, суть Страхов, Дризен и Алалыкин, ребята хорошие, но также во фрунте не задорные. Твой покорный слуга и прежде мало знал, да из того часть забыл, да и охоты заниматься нет, когда прочие все спят. Будь я у тебя в батальоне, тут бы я занялся душой и сердцем. Я уж думаю перейти к Шеншину, который очень желает иметь меня у себя. Левушка все постарому, только худо, что в службе очень ленится и теряет кураж. Козловский всячески его менажирует, но принужден иногда делать ему замечания, а мой Левушка еще дуется и жалуется, что Козловский его гонит. У них вечный спор о сем и я боюсь, что когда-нибудь Михаил Тимофеевич потеряет терпение, что все следствие воспитания аббата Николая. Было бы им только спокойно и весело.

Арсеньев — Воронцову 21.2. 1804 г.

С восьми утра и до двух часов пополудни, мы водим, в экзерсицгаузе, шеренги, одна за другой и объясняем все эти новые перестроения людям, которые не в состоянии их осмыслить, особенно же 8-ю часть захождения шеренгами. Это такая китайская премудрость для унтер-офицеров, что я слышал, как один из них сказал солдатам: правым глазом гляди на-

право, а левым прямо. Наконец, мой друг, я принужден лично учить все роты, так как всевозможные болезни одолели всех моих капитанов. Не знаю, как представлю мой батальон Государю, хотя теперь не проходит парада, чтобы он не говорил мне о больших переменах, которые он видит в моем батальоне, по его словам я омолодил своих солдат на двадцать лет.

Воронцов — Арсеньеву 4.1804 г.

Из последних приказов я узнал, что Георгий Дризен произведен в капитаны, не понимаю, что произошло с молодым Татищевым, т. к. он был старше его. Неужели его обошли. Надеюсь, что нет и что не обидели его почтенного отца. Но, в конце концов, теперь все возможно и он имеет несчастье не походить на Гатчинца.

Марин — Арсеньеву 11.8.1811 г.

Я все живу по старому, кроме того, что нахожусь теперь при старом Ольденбургском принце, человек каких мало, и всякий бы хотел быть при нем. Но, между нами, я не люблю двора, а еще более немцев.

Во брани поседев, воспитан под шатрами, Попал я на паркет и шаркаю ногами, Смотрю и новых тьму встречаю я картин: Тот ролю взял слуги, сам бывши господин, Иной, слугою быв, играет роль вельможи, А тот, оборотить не зная к ставцу рожки, Вдруг полюбил себя, на важну стал ступень, И мыслит делать здесь и дождь и красный день.

По крайней мере, мы, военные, ни в ком не ищем, все идет своим чередом.

Когда беда придет, нас утешает дружба,
К тому ж не пропадет
Молитва за Богом, за Государем служба».

Сообщил: **С. Андоленко.**

1) Граф Телстой, командир Преображенского полка.

2) Так наз. Преображенский марш «Пойдем, братья, за границу бить Отечества врагов».

3) Граф Каменский.

4) Платон Тимофеевич Козловский, кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст.

Смерть императора

(Воспоминания лейб-медика профессора М. Мнандт «При Дворе Императора Николая I-го». Изд. Дункер и Хумблот, Лейпциг, 1917 г.).

В 1849 году, за шесть лет до смерти Императора Николая Павловича, на его руках скончался его младший брат, Великий Князь Михаил Павлович. Эта скоропостижная смерть произвела очень глубокое впечатление на Императора. Великого Князя поразил удар во время парада войск в Варшаве и он, не приходя в сознание, скончался на пятый день в замке Бельведер.

С тех пор, Государь постоянно возвращался к разговору об этой смерти. Можно было часто видеть его перед прекрасным портретом покойного Великого Князя, после созерцания которого он неизменно возвращался к мысли о его кончине. «Только бы не умереть в бессознательном состоянии, Мандт», — сказал он как-то, и после некоторого раздумья: «Обещайте мне, когда наступит мой конец, ни одной минуты не скрывать от меня моего положения».

Потрясенный этими словами, я дал свое обещание, не думая о том, что мне придется сдерживать его уже несколько лет спустя.

Своего рода поверьем у Государя, такого волевого и сильного духом человека, было, что он умрет, как все его предшественники мужского поколения, рано. После же смерти его брата эта мысль еще глубже укрепилась в нем и занимала его постоянно. Возможно, что его лейб-медик был единственным человеком, которому он высказал ее вслух.

В начале февраля 1855 года Государь простудился и, по своему обыкновению, совершенно не считаясь со своим здоровьем и мнением врачей, поехал на смотр гвардейской пехоты, уходившей в Литву. Это было последний раз, что народ видел своего Государя. Вернувшись с этого смотра, он слег в своем маленьком кабинете, чтобы больше не покинуть его живым.

16-го февраля положение Государя настолько ухудшилось, что я доложил о своих опасениях Наследнику Цесаревичу, а последний — Государыне.

17-го февраля вечером, около одиннадцати часов, Императрица предприняла попытку уговорить Государя причаститься. Но он ответил на это, что подождет покуда окрепнет и встанет. Вся в слезах Государыня покинула комнату своего Супруга, который был так далек от мысли о смерти.

В половине третьего ночи я вступил на дежурство, чтобы сменить доктора Карель. Постель Императора, железная походная койка, стояла головой к стене, нижняя ее часть была подле камина и занимала почти всю маленькую комнату. Волосяной матрац, подушка, набитая соломой, двойное шерстяное одеяло, простыни — и все покрыто его старой исторической шинелью. Мне не удалось уговорить Государя сменить это ложе на более удобное.

— Я всегда спал здесь, — было его ответом, решительным и коротким.

За те несколько часов, что я не видел его, царственный пациент казался не изменившимся. После нескольких вопросов и ответов, касавшихся, главным образом, дыхания, доктор Карель ушел и я остался с Государем наедине. Стоявшая на камине свеча скудно освещала комнату. Было 3 часа 10 минут, как показывал циферблат каминных часов. За стенами дворца был холодный ветер и крупные хлопья снега ударяли в оконное стекло. Мне предстояло подготовить тяжело больного к принятию Св. Тайн. Хотя он был болен и чувствовал себя таксовым, но ни минуты не сомневался в своем выздоровлении.

Ввиду того, что накануне вечером, при выслушивании пациента, во мне еще теплилась надежда, я исследовал грудь Императора стетоскопом. Государь всегда охотно давал себя выслушивать. Все, что не мешало его привычкам и касалось науки, он делал с готовностью.

В правом легком, в нижнем клапане, я услышал легкий шорох. Этот шорох производит в ухе впечатление подобное угасающему пламени, которое мы видим глазами... И тут и там мы встречаемся с жизнью отлетающей, из-за недостатка материи и силы... Установив этот своеобразный шорох при дыхании, я уже не сомневался больше в начавшемся разрушительном процессе этого важного органа. Последняя надежда во мне рухнула!

Я почувствовал, что теряю сознание, предметы, даже постель с Государем, на секунду завертелись вокруг меня. Только невероятная ответственность моей задачи помогла мне справиться с собой.

— Вчера, у Ее Величества, начал я, мы с отцом Бажановым вспоминали грустные часы у

постели Ее Высочества Великой Княгини Александры Николаевны. Он просил меня передать Вам, Ваше Величество, его благословение и пожелание скорейшего выздоровления...

— Я не знал, что Вы знакомы с отцом Бажановым, — отозвался Государь.

— Мне кажется, что Ее Величество была бы счастлива, если бы Вы, Ваше Величество, согласились, чтобы отец Бажанов помолился у Вашей постели за скорейшее Ваше выздоровление...

По выражению глаз Государя я мгновенно догадался, что Государь понял весь смысл моего разговора. Эти глаза, которые никто, кто их видел, не мог забыть, смотрели ли они на него приветливо, серьезно или безразлично, покоились на моем лице и, казалось, вопросительно анализировали каждую его черту. После того, как я выдержал этот взгляд, с волнением и большим напряжением, по крайней мере минуту, Государь приподнялся с подушки и спросил просто:

— Скажите, Мандт, я должен умереть?

Он сделал ударение на последнем слове, совершенно особенным, громким голосом. Эти слова прозвучали в эту тихую ночную пору, как вопрос судьбы. Они отдавались спокойно и ясно в воздухе, они повторялись в странно-блестевшем взгляде Государя, они прозвучали, как звон металла, в моих ушах. Три раза простой ответ на этот простой вопрос готов был сорваться с моих губ и три раза я чувствовал, как что-то стягивало мне горло: слова замирали без сколько-нибудь понятного звука. Взгляд больного покоился неподвижно на моем лице. На лбу у меня выступил холодный пот. И тут я неожиданно опустил свою руку на левую руку Государя, лежавшую поверх одеяла и, сделав невероятное усилие, выдал из себя:

— Да, Ваше Величество...

Сейчас же в ответ на это совершенно спокойный голос Государя спросил:

— Что Вы нашли своим инструментом? Каверны?

Он знал это слово из скорбной истории болезни своей младшей дочери, Великой Княгини Александры Николаевны.

— Нет, Ваше Величество...

— Что же, тогда?

— Начало атрофирования легкого, — еле смог я ответить.

Ни одна черточка в лице Государя не изменилась, ни один мускул не дрогнул. Под моими пальцами биение пульса на его левой руке не участилось и не замедлилось! И все же я почувствовал сильное впечатление произведенное моими словами. Точно сильный дух Государя хотел сосредоточиться под этим впечатлением и освободиться на миг от мелочей и суеты нашей ничтожной земли... Его взгляд поднялся

наверх и оставался так несколько минут неподвижно. Я, не отрываясь, смотрел на него и ясно видел, что в эти минуты веки его не дрогнули. Так бесконечно глубоко проникал этот взгляд в Вечность!

Наконец он опустил на мое лицо и Государь спросил почти строгим, все еще звучным, голосом:

— Как у Вас хватило смелости сказать мне Ваше мнение так... уверенно? — Последнее слово было сильно подчеркнуто.

В голосе Государя, как и в его глазах, было всегда что-то необычное, производящее сильное впечатление. Безо всякого усилия он мог этим голосом достигать такой звучности, что если он отдавал приказание своей гвардии на одном фланге, это было так же отчетливо слышно на другом, точно его голос вибрировал в атмосфере. Может быть, этим и объясняется общеизвестный факт, что своим словом и взглядом Государь мог действовать на самые сильные натуры. На его вопрос я ответил поспешно:

— Для этого, Ваше Величество, у меня несколько причин. Во первых и главным образом, я исполняю данное Вам обещание... Помните, как несколько лет тому назад, вы взяли с меня слово, сказать вам в нужный момент правду? К сожалению, этот момент наступил... Вам предстоит прожить еще много часов в полной памяти... Эти часы, вы, Ваше Величество, употребите иным образом, чем если бы не было грустной уверенности в том, что они последние... Так думаю я... И, наконец, Ваше Величество, я сказал вам правду от того, что знаю, что вы можете вынести ее...

Чего мне стоило произнести этот монолог, известно одному Господу Богу!

Государь выслушал меня совершенно спокойно и не сказал ничего. Но взгляд его принял, между тем, то выражение кротости и мягкости, которое я наблюдал в нем за те почти двадцать лет, что был подле него, в минуты горя или несчастья. Этот взгляд долго покоился на мне. Он проникал мне в душу. Сначала я выдержал этот взгляд, потом глаза мои наполнились слезами, первыми в эту ночь, которые медленно закапали вниз.

Государь протянул мне свою правую руку и сказал просто:

— Благодарю Вас, Мандт...

Я схватил эту руку и прижался к ней, не в силах произнести ни звука. И я отчетливо почувствовал, как рука Государя прижалась к моему лицу. Это было совершенно исключительно оттого, что Государь ничего так не презирал, как поцелуй руки мужчиной. Почти всегда в таких случаях, что мне приходилось довольно часто наблюдать, он поспешно отдергивал свою руку.

После этого Государь повернулся на другую

сторону, лицом к камину.

Я обошел постель и приблизился к изголовью Монарха. Государь не спал, но глаза его были закрыты. Физической боли он, как и предыдущие дни, не испытывал, но дыхание его было чуть затрудненным. Я наклонился к уху Государя и спросил:

— Не позволите ли Вы, Ваше Величество, позвать к Вам Наследника-Цесаревича?

Голова Государя сейчас же приподнялась с подушки и он сказал поспешно:

— Сделайте это, и сейчас же!

Он опять повернулся на левую сторону и глаза его следили за дверью, пока я выходил и отдавал распоряжения.

— Не забудьте, — сказал Государь своим обычным тоном, когда я вернулся, известить остальных детей, Великого Князя Константина, пощадите только Государыню...

Наследник появился ровно в четыре часа утра. Дежурный камер-лакей тихо приоткрыл дверь и сделал мне знак. Я вышел навстречу Цесаревичу и мы решили, что он подготовит Государыню.

Через несколько мгновений пришла Государыня. Она была совершенно разбита, но внешне, как настоящая христианка, примирена с создавшимся положением. Сопровождаемая Наследником и отцом Бажановым, которому я еще успел сказать, что Государь подготовлен, она вошла к своему Супругу. Тишина, наступившая в обеих маленьких комнатах, была полной. Из кабинета Государя доносилось тиканье каминных часов. Ветер за окном улегся, и было слышно биение наших сердец.

Наконец, дверь медленно растворилась и Государыня вышла, шатаясь, мертво-бледная, чтобы сейчас же опуститься на диван. За ней следовал духовник. Слезы текли по его щекам. Не духовник, а умирающий оказался в эти минуты утешителем.

Сначала Государь исполнил свой христианский долг, затем он собрал вокруг себя своих близких, семью, друзей и служащих, с которыми, с каждым в отдельности, попрощался. Он благословил каждого своего внука. Всех Государь благодарил и все выходили из комнаты, обливаясь слезами. Наследник все время находился у постели своего Отца, большею частью на коленях перед ним, держа его за руку.

Государь лежал на спине. Он лег так после того, как исполнил все свои обязанности. Так, в этой позе, он и закрыл глаза навеки. Он ни минуты не заснул и не потерял сознания, но глаза его были полузакрыты. Несколько раз он еще говорил с Государыней, повторяя ей слова утешения. Казалось, что съеты с земным существованием у него закончены. В половине десятого утра, Государь, не читая и даже не взглянув на них, отложил только что привезенные

фельд-егерем письма Великих Князей Николая и Михаила Николаевичей из Крыма.

В своей неподвижной тишине комната Государя казалась храмом. Точно вера и молитва смогли победить грусть и безнадежность... Вдруг у меня мелькнула мысль о том, смею ли я, единственный посторонний, оставаться в семейном кругу после того, как моя миссия врача была, увы, закончена. Почти вся Семья находилась в примыкавшей к кабинету приемной и даже Великий Князь Константин Николаевич не входил к Отцу без зова. Это было обычаем в доме, который никто не осмелился перешагнуть даже в последние часы.

Я подошел к ногам скромного ложа Государя и спросил:

— Ваше Величество, не мешает ли мое присутствие?

— О, нет, — отозвался Государь отчетливо и эти слова наполнили меня благодарностью.

Я считаю своим долгом упомянуть те два вопроса, с которыми обратился ко мне Государь. Между 9-тью и 11-тью часами утра, эти, предшествовавшие концу часы, Государь спросил меня сначала:

— Скажите, Мандт, потеряю ли я сознание или же задохнусь? — Изю всех симптомов болезни Государь больше всего боялся, как уже было сказано выше, беспамятства. Я почувствовал всю важность этого вопроса для больного. Мне пришлось сначала отвернуться, чтобы справиться с душившими меня слезами и собраться с силами:

— Я надеюсь, Ваше Величество, что не наступит ни одного, ни другого...

Следующий вопрос был мне задан примерно за час до кончины:

— Когда Вы протрубите мне отбой, Мандт?

Я не понял вопроса Государя и Наследник повторил мне его.

— Я спрашиваю, сказал Государь, — когда все кончится?..

Никогда, с тех пор, что я был врачом, я не смотрел в глаза такой смерти! Мужество и без-

страшие Государя были совершенно невероятны. Если бы я не был свидетелем кончины моего Монарха, я никогда бы этому не поверил! Если уж я не мог спасти Государя, то моей обязанностью было сделать ему конец возможно спокойным. И Государь оценил это и оставил меня при себе с 3-х часов ночи до последнего вздоха.

После смерти Государя, Великий Князь Константин Николаевич обнял меня и сказал:

— Этой ночи, Мандт, наша семья никогда не забудет Вам!

Я был понят и это было для меня наибольшим утешением.

До 12-ти часов 10 минут все оставалось неизменным. Я временами подносил ко рту Государя чайную ложку с лекарством, чтобы облегчить ему дыхание, насколько это было в силах науки. Государь каждый раз охотно открывал рот и глаза его выражали благодарность.

Совершенно неожиданно Государь лег глубже в подушки и в ритме его дыхания наступил перерыв. Я подошел ближе и увидел, что начинают вибрировать мускулы шеи. Последняя минута наступала.

Только когда я установил, что Государь уже не слышит нас, я открыл дверь и взял за руку Великого Князя Константина Николаевича, который стоял ближе всех. За ним в комнату к умирающему вошли остальные дети, невестки и внуки.

Мы все опустились на колени. Голова Государя еще глубже ушла в подушки, последовал короткий вздох, затем еще один, и Государя Николая Павловича не стало.

Ни одна конвульсия не изменила его прекрасного лица, даже рот оставался плотно сжатым.

Смерть подошла к этой своей, такой преждевременной, жертве с уважением и унесла ее с собой безболезненно.

Перевод с немецкого
Мария бар. Беннигтаузен-Будберг

РУССКИЕ ОФИЦЕРСКИЕ ЗНАКИ

ОТ АВТОРА.

Офицерскими знаками изстари обозначались офицерские достоинство и чин. Со времени учреждения Российской Императорской Армии и до последних дней ее существования Офицерские знаки были неотъемлемой частью мундира офицеров двух славнейших ее полков: лейб-гвардии Преображенского и лейб-гвардии Семеновского; в течении же полутора столетий также и мундиров всех офицеров пехоты и пешей артиллерии. Русские Офицерские Знаки являлись, к тому же, истинными знаками Отличия ибо на них, особыми надписями, запечатлевались боевые отличия воинских частей.

К этому следует прибавить, что Русские Офицерские знаки высокохудожественны, что «тля и ржа» их не ест и, что места они занимают немного — казалось бы, что Офицерские Знаки должны стать излюбленной отраслью собирательства и изучения для каждого любителя русской военной старины. На деле же это не так — Офицерские Знаки не собираются и нигде подробно не описаны. Некогда насчитывавшиеся тысячами, они дошли до нас лишь в весьма ограниченном количестве, некоторые же образцы и вовсе были утеряны, и даже самое их наименование точно не установлено.

В настоящей монографии автор впервые попытается дать перечень описания и рисунки всех, доселе известных, образцов Русских Офицерских Знаков.

ЕВГЕНИЙ МОЛЛО.

ВВЕДЕНИЕ.

До времени преобразования феодальных армий в армии регулярные в них не существовало ни форменной одежды, ни форменного вооружения. Не существовало в них также и точно установленных чинов или рангов, но только должности. Но и после образования регулярных армий и установления в них чинов, форменная одежда и форменное вооружение были введены в них не сразу, но постепенно и сперва лишь для нижних чинов, «господа офицеры» же еще долгое время продолжали носить одежду и вооружение произвольных образцов, но так как появилась уже потребность в обозначении их офицерского достоинства и чина, то им было присвоено ношение особого рода «Знаков».

Знаки эти были ни чем иным, как видоизменением «colletin» т. е. шейной части лат. Ранние образцы Офицерских Знаков весьма сходствовали с «colletin», т. е. имели вид латинской литеры «U» или полумесяца с усеченными концами, по середине которого помещался герб или вензель, чем собственно они и были отличны от «colletin». Носились Офицерские Знаки также подобно «colletin» на груди, непосредствен-

но под воротником. По не вполне еще уясненным причинам, ношение Офицерских Знаков было присвоено только пехотным офицерам, кавалерийские же офицеры носили кирасы и им не подобало носить поверх кирас еще и иную часть лат.

Прежде всего, Офицерские Знаки появились во Франции в середине 17-го века, откуда это установление было заимствовано другими странами. Своего «апогея» они достигли в 18-м веке, когда они стали неотъемлемой частью мундира пехотных офицеров всех европейских армий. Затем, в 19-м веке начался их «упадок» и роль обозначения чина перешла к эполетам. В 20-м же веке Офицерские Знаки сохранились лишь в немногих армиях, из коих главными были Российская и Германская, в которых они даже пережили своего рода «ренесанс» или, вернее, свою «лебединую песнь».

Офицерские Знаки, в силу своего происхождения от «colletin», относятся к предохранительному оружию (armige), поэтому они и носились офицерами лишь при исполнении служебных обязанностей.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКОГО.

Обозначение офицерского ранга ношением Офицерского Знака было установлено в России Царем Петром Алексеевичем после учреждения Ордена Св. Апостола Андрея Первозванного, ибо первые русские Офицерские Знаки были украшены сим Орденским Крестом.

Подобно армиям западноевропейским, Офицерские Знаки и в Российской Армии были присвоены лишь штаб и обер-офицерам пехотных частей войск — драгунские же офицеры, а равно и генералы всех родов войск Знаков не носили.

Автору известны лишь два Знака первого образца — оба принадлежавшие Царю Петру Алексеевичу. Один из них ныне хранится в Государственном Историческом Музее в Москве, а другой в Эрмитаже. Оба Знака штаб-офицерские (Царь Петр Алексеевич в 1706 году за отличие по службе был произведен из бомбардир-капитанов в полковники лейб-гвардии Преобра-

женского полка). В последний из них, бывший на груди Царя Петра Алексеевича во время Полтавского боя, по народному преданию, ударила шведская пуля и Знак сыграл свою старую роль предохранительного оружия. Но следа пули на Знаке нет, а в «Реляции о Полтавской Победе» сказано только: «при том же шляпа на нем пробита пулею».

Мы не знаем где и кем были изготовлены эти знаки, ноковка металла, золочение, изготовление крестов и корон и покрытие их цветной финифтью — все это было под силу мастерам Оружейной Палаты, издавна изготовлявшим церковную утварь.

1. Знак образца 1698 года: Имеет вид полумесяца с усеченными или же с закругленными концами и полукруглым вокруг ободком. По середине наложен золотой, покрытый синей финифтью Андреевский крест, с накладным на нем изображением Св. Апостола Андрея Перво-

званного и под накладною же цветной финифти Царскою короною.*) Ober-офицерские знаки были серебряные с золотым ободком, а штаб-офицерские — сплошь золотые. Носились на Андреевской ленте, продетой в скобы на оборотной стороне знака (рис. 1).

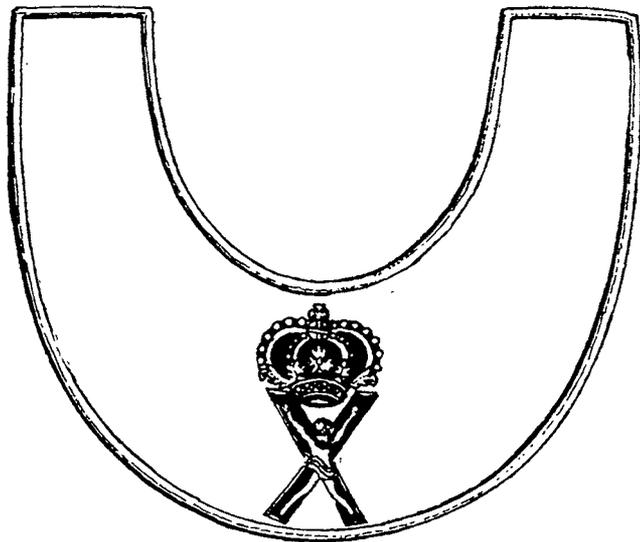

Рис. 1.

В 1701 году Царь Петр Алексеевич в воздаяние мужества оказанного обер-офицерами л.-гв. Преображенского и л.-гв. Семеновского полков в бою под Нарвою повелел запечатлеть этот день особою на их знаках надписью: «1700 110. 19». Сим надписанием Царь Петр Алексеевич создал новый, присущий одной лишь Российской Армии, род награждения воинских частей — Сфицерский Знак Отличия с памятною надписью.

Одновременно были утверждены Знаки нового образца, несколько различного для штаб и для обер-офицеров.

2. Гвардейский Ober-Офицерский Знак образца 1701 года: Сердцевидный с полукруглым вокруг ободком. По середине наложен золотой Андреевский крест под накладною, вызолоченною царскою короною и с двумя накладными же, накрест положенными под ним пальмовыми ветвями. Под сими ветвями помещена жалованная надпись: под правой «1700», а под левой — «NO 19». Ober-офицерские Знаки были попрежнему серебряные с золотым ободком. Носились на Андреевской ленте, продетой в ушки двух вызолоченных пуговиц на концах Знака (рис. 2).

3. Гвардейский Штаб-офицерский Знак образца 1701 года: Подобен предыдущему, но с

крестом и пальмовыми ветвями белой финифти, а короною цветной финифти. Штаб-Офицерские Знаки были попрежнему сплошь вызолоченные. Надписи на них не полагалось**). Носились подобно предыдущим (рис. 3).

Что касается армейских Офицерских Знаков, то «Обмундированию армейских и гарни-

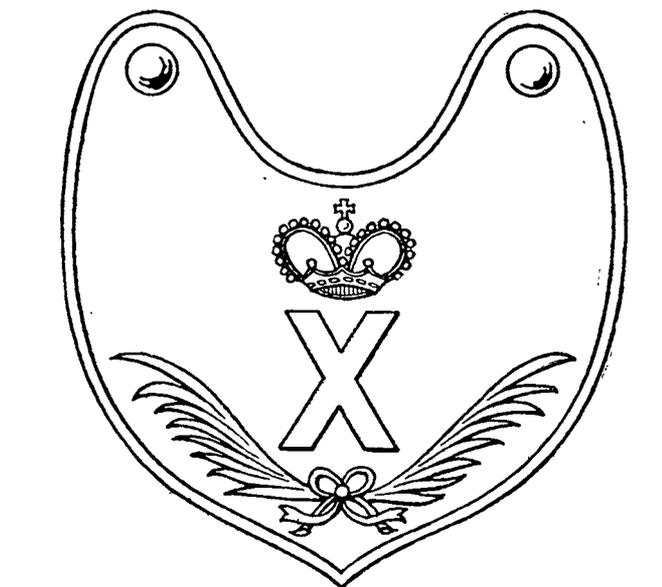

Рис. 3.

зонных офицеров и гренадерским шапкам цвета, и даже форма определены не были» (Висковатов), так что и Знаки их, если они таковые и имели, были, по всей вероятности, произвольных образцов.

ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ I-Й.

В кратковременное царствование Императрицы Екатерины I-й новых образцов Офицерских Знаков не утверждалось.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА II-го

В царствование Императора Петра II-го были установлены гвардейские Офицерские Знаки нового, единого для штаб и обер-офицеров, образца.

4. Гвардейский Знак образца 1727-1730 гг.: Имеет вид полумесяца с закругленными концами и с двойным вокруг ободком. По середине наложен золотой, покрытый синей финифтью Андреевский крест, в накладном, вызолоченном овальном обрамлении и в накладном же, серебряном полувенке из лавровых ветвей, под накладною, вызолоченою и покрытою цветной финифтью императорскою короною. Знак сплошь вызолочен и имеет вдоль ободка гирлянду из высеребрянных лавровых листьев. На обер-офицерских Знаках имелась высеребрянная пожалованная Петром Великим надпись, расположенная, как и на предыдущих обер-офицерских Знаках. Носились на Андреевской ленте, продетой в скобы на оборотной стороне Знака (рис. 4).

Что касается армейских Офицерских Знаков, то в царствование Императора Петра II-го одежда и вооружение (а также, по всей вероят-

ности, и Знаки) армейских офицеров оставались произвольных образцов, хотя и делалась уже попытки установить и для них форменную одежду и форменное вооружение.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИОАННОВНЫ

В 1830 году были установлены гербы полевых, гарнизонных и ландмилицких полков, состоящие из фигурного щита единого для всех полков образца, но под различного образца коронами, в середине которого, в овальном обрамлении, помещался герб той провинции, коей наименование носил полк. Определением Военной Коллегии, 16 февраля 1732 года, о строевом мундире полевых и гарнизонных офицеров, повелено было иметь эти гербы на Знаках армейских офицеров. С этого времени одежда и вооружение армейских офицеров, а также и Знаки их, устанавливаются различными узаконениями.

5. Армейский Знак образца 1732 года: Имеет вид полумесяца с двойным вокруг ободком. По середине наложен вызолоченный полковой герб с воинскою под ним арматурою. Обер-офицерские Знаки были серебряные, а штаб-офицерские — золотые. Для ношения Знака на концах выбивались круглые отверстия — по два на каждом конце, в которые продевались петли из витой, вызолоченной проволоки. Знак носился на черной с желтыми каймами ленте,

Рис. 4.

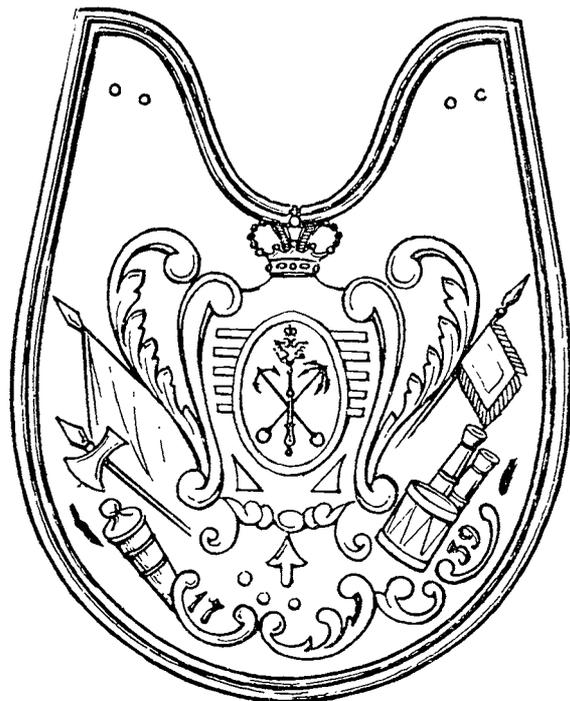

Рис. 5.

продетой в петли с оборотной стороны. Впрочем, лента и концы Знака были прикрыты воротником кафтана (рис. 5).

«Сбмундирование и вооружение гвардейской пехоты определены были штатами 9 декабря 1731 года» (Висковатов) — тогда же, по всей вероятности, были утверждены и новые образцы гвардейских Офицерских Знаков.

6. Гвардейский Знак образца 1731 года: Подобен предыдущему, но имеет по середине, взамен полкового герба, Герб Государственный — накладное, черной финифти, изображение двуглавого орла, с вызолоченными главами и лапами, под тремя вызолоченными и покрытыми цветной финифтью императорскими коронами, и с вызолоченною воинскою под ним арматурою, с белым, в золотом обрамлении, фигурным щитом на груди, на коем изображен синий Андреевский крест, с распятым на нем Святителем, а под сим щитом еще и с другим, меньших размеров, вызолоченным, фигурным щитом, с накладным, вызолоченным вензелем Императрицы Анны Иоанновны на нем. Ober-офицерские Знаки были серебрянные, а штаб-офицерские — золотые. На ober-офицерских Знаках лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков была сохранена на воинской арматуре под

Рис. 6.

орлом пожалованная Петром Великим надпись — на Знаках же вновь учрежденного лейб-гвардии Измайловского полка сей надписи не полагалось. Носились подобно предыдущему (рис. 6).

Офицерам учрежденного в 1731 году Корпуса Кадетов Шляхетских Детей были присвоены Знаки особого образца.

7. Знак Корпуса Кадетов Шляхетских Детей: Подобен предыдущему, но с орлом, держащим в лапах, взамен обычных державы и скипетра, меч и меркуриев жезл, и имеющим на нагрудном щите, взамен Андреевского креста, накладной, вызолоченный вензель Императрицы Анны Иоанновны, под накладною же, вызолоченною имперскою короною. Нижний же щит отсутствует. Носился подобно предыдущему (рис. 7).

Рис. 7.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ИОАННА АНТОНОВИЧА.

В кратковременное царствование Императора Иоанна Антоновича новых образцов Офицерских Знаков не утверждалось.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

Офицерам отчисленной Именным Указом 31 декабря 1741 года от лейб-гвардии Преображенского полка и наименованной **Лейб-Компанией** гренадерской роты были даны Знаки особого образца.

Лейб-Компанейский Знак образца 1741 года: Подобен предыдущему, но имеет по середине, взамен орла, накладной, вызолоченный вензель Императрицы Елизаветы Петровны в лавровом венке, под вызолоченною и покрытою цветной финифтью императорскою короною, и с воинскою под вензелем арматурою. Взамен пожалованной Императором Петром Великим надписи, на Лейб-Компанейских Знаках повелено было иметь иную пожалованную надпись: «1741 № 25» день восшествия на престол Императрицы Елизаветы Петровны. Знаки изготовлялись из чистого серебра и были сплошь вызолочены. Носились подобно предыдущим (рис. 8).

Что касается гвардейских и армейских Офицерских Знаков, то они были оставлены прежних образцов. Несколько изменена была только их расцветка. Орлы на гвардейских Знаках стали делать сплошь вызолоченными. Вызолоченный ободок на обер-офицерских Знаках стал обозначать чин капитана. Заменены были также, где полагалось, старые вензеля новыми.

Офицерам, учрежденного в 1756 году, Obser-

вационного Корпуса были даны Знаки особого образца, имеющие по середине присвоенный этому Корпусу герб, и различной для каждого чина расцветки.

9. Знак Обсервационного Корпуса образца 1756 года: Имеет вид полумесяца с усеченными концами и с тройным вокруг ободком. По середине — у обер-офицеров чеканный, а у штабс-офицеров накладной герб Обсервационного Корпуса — двуглавый орел, увенчанный двумя коронами, с изображением Св. Великомученика и Победоносца Георгия в фигурном щите на груди, имеющий промеж голов, окруженный сиянием вензель Императрицы Елизаветы Петровны, в овальном обрамлении и под императорскою короною, и с воинскою под орлом арматурою. Знаки сии были:

у прапорщиков — совсем серебряные;

у подпоручиков — серебряные, с золотым вензелем и сиянием;

у поручиков — серебряные, с золотым гербом;

у капитанов — серебряные, с золотым гербом и ободком;

у майоров и подполковников — сплошь вызолоченные;

у полковников — вызолоченные, с гербом цветной финифти (рис. 9).

Рис. 8.

Рис. 9.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА III-ГО.

В кратковременное царствование Императора Петра III-го Офицерские Знаки оставались прежних образцов. Заменены были только, где полагалось, старые вензеля новыми.

Указом 11-го марта 1762 года было повелено носить Офицерские Знаки на черной ленте, по верх воротника мундира.

На портрете Императора Петра III-го в форме лейб-гвардии Преображенского полка, писанном художником Антроповым, Знак изображен с орлом черной финифти, что, возможно, обозначало чин полковника.

10. Гвардейский Знак образца 1762 года: Подобен гвардейскому Знаку образца 1731 года, но с вензелем Императора Петра III-го.

Рис. 10.

«Император Петр III-й, после родителя своего, Герцога Карла Фридриха, скончавшегося в 1739 году, наследовал титул Герцога Шлезвиг-Голштинского и сохранил его, как в бытность свою Великим Князем и Наследником Российского Престола, так и в бытность Императором, с 1742 до половины 1762 года. По сему обстоятельству необходимо упомянуть о Голштинских его войсках». (Висковатов).

Голштинский Знак образца 1742-1762 годов: Подобен предыдущему, но имеет по середине, взамен орла, Голштинский вензель Великого Князя Петра Феодоровича — две, накрест положенные, латинские литеры «P», но без цифры «III» ***), на голубом, финифтяном фоне, в

накладном, вызолоченном, овальном обрамлении, под императорскою короною и с воинскою под ним арматурою. Носился подобно предыдущему (рис. 11).

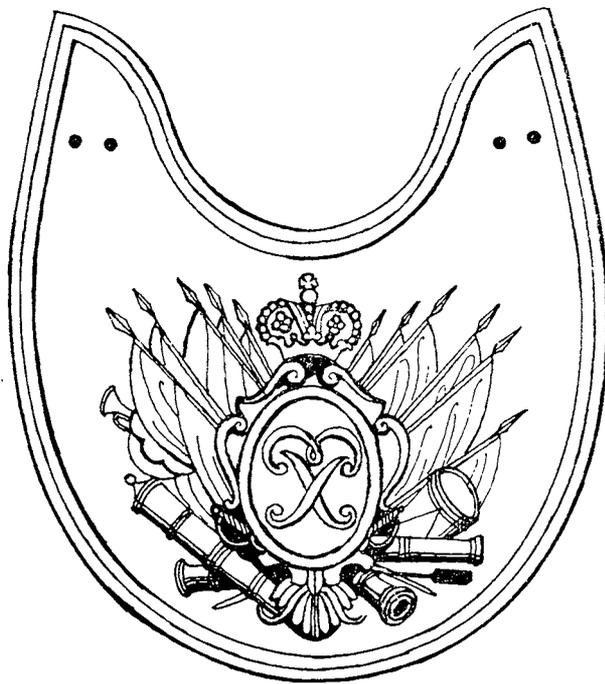

Рис. 11.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й.

В первые годы царствования Императрицы Екатерины II-й Офицерские Знаки оставались прежних образцов.

20-го ноября 1775 года полковые гербы на гренадерских шапках, патронных сумках, барабанах и прочих вещах были заменены гербом Государственным и сохранены были только на знаменах и полковых печатях. Коснулось ли это установление также и армейских Офицерских Знаков, нам доподлинно неизвестно.

14-го февраля 1788 года были утверждены армейские Офицерские Знаки нового образца.

12. Армейский знак образца 1788 года: Имеет вид полумесяца с закругленными концами и с двойным вокруг ободком. По середине наложен, черной финифти, двуглавый орел, под тремя вызолоченными императорскими коронами, окруженный вызолоченною воинскою арматурою и имеющий на груди вызолоченный, фигурный щит с вензелем Императрицы Екатерины II-й. Расцветка по чинам оставалась прежняя. Носились на Андреевской ленте, продетой в скобы на оборотной стороне знака (рис. 12).

Рис. 12.

В собрании автора хранится, доселе неопи-
санный, Офицерский Знак, но совершенно по-
добный Знаку, изображенному на портрете по-
эта Екатерининских времен И. И. Дмитриева,
произведенного в 1787 году в прапорщики лейб-
гвардии Семеновского полка. На основании это-
го портрета, автор определяет хранящийся у
него Знак, как гвардейский Знак, соответствую-
щий армейскому Знаку образца 1788 года.

13. Гвардейский знак образца 1788 года: По-
добен предыдущему, но имеет по середине, вза-
мен орла, накладной, серебряный Андреевский
крест, под накладною же, серебряною импера-
торскою короною и с двумя накладными, на-
крест положенными, серебряными, лавровыми
под ним ветвями. На обер-офицерских Знаках
лейб-гвардии Преображенского и Семеновско-
го полков под сими ветвями была помещена
пожалованная им Петром Великим, но несколь-
ко иначе расположенная, надпись: под одной
— «1700», а под другой — «19. NO». Носился по-
добно предыдущему (рис. 13).

Вот уже второй раз, как мы прибегаем в на-
шем труде к помощи портретов, а по сему ав-

тор находит уместным высказать здесь мысль
о важности, при подобного рода трудах, самого
внимательного изучения старых военных пор-
третов, ибо на таковых зачастую изображены
не только утраченные образцы обмундирования,
вооружения и знаков отличия, но и то, как все
это носилось.

То же относится и к, появившимся в середи-
не прошлого века, военным фотографиям, ко-
торые, однако, следует строго отличать от фо-
тографий «ряженных», т. е. одетых, по случаю
различных юбилеев, в «исторические» формы,
офицеров и солдат, ибо сии последние часто
полны неточностей.

Рис. 13.

*) Императорский титул был принят Петром Вели-
ким лишь в 1721 г.

**) «Не сохранилось никаких указаний, почему от-
личие это дано было только обер-офицерам; известно
лишь, что в Преображенском полку под Нарвою не
было штаб-офицеров; Семеновского полка подпол-
ковник Кунигам убит, а остальные штаб-офицеры
оставлены были в Москве и Новгороде для сформирова-
вания новых полков и, вероятно, как неучаство-
вавшие в сражении не получили этой награды».

(ИМПЕРАТОРСКАЯ ГВАРДИЯ — справоч-
ная книжка Императорской Главной Квар-
тиры, 1910 г.).

***) «В России Император Петр III-й был третьим,
а в Голштинии еще первым государем сего имени»
(Висковатов).

Евгений Молло

Штаб Добровольческого Корпуса Светлейшего Князя Ливена летом 1919 г. в Митаве

Мы все прекрасно знаем, что без штаба, то-есть без той командной точки, которая собирает, направляет и руководит, ни одно войсковое соединение, как бы мало оно ни было, обойтись не может. Особенно это становится ясным, когда на эту командную точку

возлагается еще работа по вербовке, организации, формированию и т. д. Полагаю, что для офицера, прокомандовавшего всю Великую войну ротой на фронте, рассказать и о своей короткой службе в штабе не будет зазорно.

Говоря о действиях своего отряда, Светлейший Князь Анатолий Ливен, в статье «В южной Прибалтике» («Белое Дело», IV, Берлин, 1927, изд. «Медный Всадник»), весьма подробно описывает не только чисто военные его действия, но и политическую обстановку, создавшуюся после капитуляции Германии, в год полного разгара борьбы добровольческих армий и отрядов с красными. Он разбирает поведение союзников и объясняет свои личные взгляды на положение, создавшееся в бывших прибалтийских губерниях. О штабе своего отряда, теперь корпуса, он пишет только мимоходом. И, на самом деле, этот штаб, по обстоятельствам от него не зависевшим не имел, к сожалению, возможности полностью исполнять свою задачу. Автор, как один из ближайших в то время сотрудников Светлейшего Князя и как один из чинов штаба, хотел бы поделить со своими читателями некоторыми моментами из жизни штаба и дать по возможности подробную картину его организации, бытия и действий в городе Митаве, а также конца его существования в Нарве.

Светлейший Князь
Анатолий Павлович Ливен.

мого участия в Венденских боях Ландесвера с эстонцами и вскоре был переведен в район города Митавы. Уезжая туда же, автор в поезде узнал о готовящемся разворачивании отряда в корпус и о своем назначении на должность старшего адъютанта по строевой части.

В Митаву стали прибывать, главным образом из Германии, отдельные бывшие военнопленные, небольшие группы офицеров и солдат, а также, целыми частями, более или менее сплоченные соединения. В течение июня и июля прибыли: «Отряд имени генерала графа Келлера» под командой Бермондта, отряд полковника Вырголича, а также так называемый «Тульский отряд». Все эти отдельные, вновь прибывающие, части сразу же подчинились Светлейшему Князю Ливену. Были образованы три дивизии: дивизия Светлейшего Князя Ливена, дивизия имени генерала графа Келлера и дивизия полковника Вырголича. Первой командовал ближайший помощник князя и организатор Русской роты, еще в 1918 году в городе Риге, капитан Дыдоров. Второй и третьей — их вышеупомянутые начальники. Эти дивизии составляли Добровольческий корпус Светлейшего Князя Ливена и возглавлялись одновременно

.....

После взятия 22 мая 1919 года белыми частями Ландесвера, отрядом Светлейшего Князя Ливена и латышскими национальными соединениями города Риги, наплыв добровольцев в русский отряд был весьма большой. Стало необходимым развертываться, создавать новые группировки, образовывать боевые соединения. 24-го мая, в бою у «Белых Озер» вблизи Риги князь был тяжело ранен.

По приходе в Ригу, отряд не принимал пря-

но созданным штабом корпуса. Штабы дивизий, как и корпуса, размещались в самой Митаве.

Штаб корпуса устроился в доме дворянства. Это был обширный особняк со многими отдельными помещениями и двумя залами в верхнем этаже. Здесь работали начальники отделов и их сотрудники, офицеры и чиновники. В первой, главной, зале стучали машинки писарей. Вторая служила парадной столовой. Обычно обедали внизу в одной из комнат. Тяжело раненый Князь Ливен находился вначале в Риге, в больнице. Его замещал некоторое время полковник Лейб-Гвардии Московского полка Альфред Беккер. Начальником штаба или, вернее, ближайшим помощником в начальной стадии работ по устройству дел был полковник Бирих, старый соратник-ливенец.

Когда штаб организован и принял на себя управление тремя дивизиями, его состав был окончательно оформлен. Ввиду некоторого желания самостоятельности и, вместе с тем, децентрализации со стороны Бермондта и в целях лучшей координации работы штаба корпуса со штабами дивизий, в особенности дивизии имени графа Келлера, начальником штаба корпуса был назначен вскоре полковник Чайковский. От него, как близкого сотрудника Бермондта, корпус ожидал быстрого улучшения несколько натянутых взаимоотношений. Однако полковник Чайковский, в этом смысле, не оправдал связанных с ним ожиданий и вскоре покинул свой пост.

Тогда начальником штаба был назначен генерал Янов. С ним вместе прибыл капитан Афанасьев, офицер одного из гвардейских пехотных полков. Об обших будет речь впереди. Артиллерийскую часть возглавлял полковник гвардейской артиллерии Беляев, судебную — полковник Энглер, инженерную — полковник Ионас, интендантскую — полковник Колошкевич, всей санитарной частью руководил доктор Стороженко. Дело передвижения было сосредоточено в руках действительного статского советника Зеля, ранее бывшего начальником Либаво-Роменской железной дороги. Контрразведка была поручена капитану Шнее, служившему до революции полицмейстером города Митавы. Комендантом штаба был полковник Лейб-гвардии Литовского полка барон Максимилиан Энгельгард, его помощником полковник Прокопович. Я сам был назначен старшим адъютантом по строевой части и подчинялся непосредственно начальнику штаба. Моими помощниками были поручик Бакке, Светлейшим Князем, в его записках, ошибочно названный адъютантом, поручик кавалерии Миклашевский и, несколько позже, прапорщик Низдра, сын бывшего президента Латвии, пастора Низдра. Из чиновников хорошо помню своего делопроизводителя, хотя фамилию забыл, а также Максимилиана Бека и это главным образом потому, что впоследствии, уже в эмиграции, часто приходилось с ним встречаться и даже жить в одном городе.

Таким образом, штаб был сформирован и оставалось только работать, исполняя директивы командира корпуса. Почему и как его желаниям, мыслям и политическим соображениям в дальнейшем не суждено было быть приведенными в исполнение, князь Ливен весьма ярко, как уже было упомянуто выше, описал сам. Мне бы хотелось в моем дальнейшем повествовании остановиться только на некоторых событиях этого времени, а также на отдельных лицах, имена которых мною уже приведены. Почти все мои тогдашние сослуживцы были старше меня по возрасту и, вероятно, сейчас уже мало кто из них остался в живых. Нужно сказать, что все мы, имея постоянно пример нашего командира, старались сделать свою работу по возможности более продуктивной. Однако, к сожалению, это не всегда удавалось. Нельзя забывать, что сам корпус был еще далек от полной сплоченности своих частей, трех уже названных дивизий. Это чрезвычайно затрудняло нашу работу и шло в разрез с нашими, штаба корпуса, добрыми желаниями и намерениями.

Генерал Янов, возглавляя штаб, сразу же указал границы действий всех его отделов. Он был строг и требователен. Но некоторые, не совсем понятные и до конца для меня лично неясные обстоятельства, казалось, мешали ему. Незадолго до перевода корпуса на Нарвский фронт он был смещен и его место занял полковник гвардейской артиллерии Беляев. О генерале Янове я снова услышал уже будучи в Эстонии, он, как будто, занимал видное место в штабе генерала Юденича. Чрезвычайно милым и симпатичным сослуживцем оказался полковник Энглер. Его дальнейшая судьба мне неизвестна так, как и полковника Ионаса и доктора Стороженко.

Очень интересен, в своем роде, был действительный статский советник Зель. По его инициативе, если не ошибаюсь, и, во всяком случае, при его деятельном участии был разработан до мельчайших подробностей план состава и работы штаба корпуса и подкомандных дивизий. Дале планов, впрочем, представляемых даже в виде прекрасно расчерченных и раскрашенных листов, мы не продвинулись уже по одному тому, что Бермондт, как и полковник Вырголич, имели свои собственные планы и расчеты.

Полковник барон Энгельгардт, как комендант штаба, а особенно своей внешностью еще сравнительно молодого гвардейского офицера, выделялся персонально. Он впоследствии

остался в Митаве и перешел на службу к Бермондту, у которого видным финансовым экспертом уже состоял его старший брат барон Рудольф Энгельгардт. Этот последний умер уже после окончания второй мировой войны в восточной зоне Германии под другой фамилией в одном доме для престарелых. Полковника же Энгельгардта, моего родственника, я застал в 1948 году вблизи моего местожительства в городе Детмольт-Липпе, в Вестфалии. Он имел издательство книг и занимался распространением печатной литературы. Он умер в пятидесятых годах. Его милейшая супруга, родственница братьев Солоневич, здравствует, насколько знаю, и поныне.

Помощник коменданта полковник Прокопович был человеком весьма нервным. Повидимому он был сильно контужен и лицо его всегда передергивало. Когда мы переезжали на северо-западный фронт, он был назначен комендантом штаба, но вскоре, по расформировании в Нарве, был переведен на ту же должность в штаб 2-ой стрелковой дивизии генерала Ярославцева. Во время осеннего наступления на Петроград, о котором автор писал в журнале «Военная Быль» (№ 39), полковника Прокоповича сопровождала его супруга.

Но вернемся в Митаву к лету 1919 года. Я занимал должность старшего адъютанта и был весьма занят работой по распределению прибывающих добровольцев, согласованием взаимоотношений трех дивизий, писанием ежедневных приказов и т. д. В это время прибыли из Германии двое моих однополчан, большие мои друзья, полковник Дмитрий Дмитриевич Лебедев и поручик Алексей Геннадиевич Чубаров. Первый впоследствии занимал видную должность в Ливенской (5-ой) дивизии Северо-Западной Армии и умер, уже после отхода последней в Нарву, от тифа и сахарной болезни. Чубаров скончался не так давно в Ницце.

Помимо моих прямых обязанностей, я играл еще роль как бы представителя штаба, к которому в первую голову обращались все, имеющие какую-либо надобность или дело; так в один из июльских дней мне доложили, что меня хочет видеть бывший президент Латвии пастор Низдра. Я вышел к нему и провел в свой кабинет. Пастор Низдра, уже не молодой, но еще хорошо державшийся мужчина, имел вид озабоченный. Незадолго до этого политический противник Ульманис взял бразды правления в свои руки и причинял много неприятностей своему, стоявшему значительно правее, соотечественнику. Теперь бывший президент просил меня устроить поступление его двух сыновей на службу добровольцами в наш корпус. Я успокоил пастора и тут же отдал соответствующее распоряжение. Старший сын, русский прапорщик, был назначен к нам в штаб корпу-

Барон Николай Анатольевич Будберг.

са и получил место в моем кабинете, младший был мною направлен в корпусную артиллерию.

Князь Ливен продолжал лечиться в Риге. Здоровье его поправлялось и он решил переехать на жительство в Митаву. Прибыл он на моторной лодке. Для встречи была назначена рота, выстроившаяся на берегу реки. На пристань, по доскам, прошли его заместитель полковник Беккер и я. Князь не мог еще ходить, и его вынесли на носилках. Он был бледен и сильно страдал от своего ранения. Носилки медленно пронесли вдоль фронта. Радостно блестели глаза добровольцев и они дружно приветствовали своего любимого вождя.

За эти два летних месяца мне несколько раз пришлось встретиться с Бермондтом. Части его дивизии были расквартированы в самом городе, где также находились его штаб и собственная квартира. Политически не все обстояло благополучно. Наши бывшие союзники, теперь победители в мировой войне, весьма недружелюбно смотрели на оставшиеся еще здесь германские войска под командой фон-дер-Гольца. С другой стороны, сами латыши обещали этим немецким добровольцам, за оказанную ими помощь при изгнании большевиков из пределов Латвии, наделы земли в своей автономной республике. Под давлением англичан, лат-

вийское правительство взяло это свое обещание назад и таким своим поступком возбудило неудовольствие среди германских частей. В Митаве начались волнения. Русского коменданта города как будто не было, также начальника гарнизона. Помню, однажды вечером, мне позвонил полковник Беккер и задал вопрос, кого бы я предложил на это место. Исходя из тех соображений, что Бермондт в данное время располагает достаточной вооруженной силой в самом городе, я предложил его. Был отдан соответствующий приказ и уже на следующий день на столбах и заборах красовались распоряжения нового коменданта, которые грозили строгими взысканиями за непослушание и бунт.

К нам, в штаб, Бермондт жаловал очень редко. Я его там встречал всего два и то незадолго до нашего отъезда. Он был мужчина видный, но, к сожалению, своими несколько театральными, как бы заученными манерами, делал из себя что-то похожее на марионеточную фигуру. Всегда в черной черкеске, сам брюнет, усы а ля Вильгельм, затянутый, он мог производить эффект и на этом, конечно, много играл. О его карьере мне доподлинно ничего неизвестно, только, если память не изменяет: в 1917 году, в одной из больших газет, думаю это было «Новое Время», был небольшой портрет поручика Бермондта. Отчего и почему он был там изображен, сказать теперь не могу. Каким образом он в 1919 году летом сделался полковником — и того меньше. Кажется в июле, Бермондт праздновал и весьма шумно свой день рождения. Были приглашены корпусный командир князь Ливен и я. Вместо князя поехал его заместитель полковник Беккер. Подъехав к штабу дивизии, на ступеньках крыльца мы были встречены начальником дивизии, причем последний порывался меня обнять, приветствуя как своего старого сослуживца по Нижегородскому драгунскому полку. Я должен был его разочаровать, так как всю войну проделал гвардейским стрелком. Он, возможно, спутал меня с одним из моих родственников, тоже Николаем Будбергом. Но самое интересное, даже сценически забавное, произошло на самом торжестве. Я сидел за одним столиком с георгиевским кавалером генералом Альтфатер. Генерал граф фон-дер-Гольц, здесь же присутствовавший и сидевший по правую руку от Бермондта, поднял свой бокал и предложил выпить за здоровье «Его Светлости князя Авалова». Еще несколько лет спустя, я видел в немецком журнале «Ди вохе» снимок графа фон-дер-Гольца вместе с Бермондтом верхом, причем тут последний был уже генералом.

Последний раз я видел Бермондта за не-

сколько дней до нашего отъезда из Митавы. Он пришел к нам в штаб пообедать, а заодно завербовать одного-другого к себе. В это время уже был получен приказ генерала Юденича о переброске всего корпуса на Нарвский фронт. Было ли это целесообразно или нет — вопрос другой, но князь Ливен, как истый офицер, знающий дисциплину, приказал собираться. Бермондт и полковник Вырголич, к которому я по этому делу заходил лично, отказались ехать и корпус распался. Переброшена была только Ливенская дивизия, получившая в Северо-Западной Армии наименование «5-ой Ливенской дивизии».

До нашего отъезда, князь собрал весь штаб, объявил еще раз приказ генерала Юденича и в кратких словах разъяснил положение корпуса, причем напомнил его добровольческий статут в целом и касательно каждого офицера в отдельности, предоставив выбор ехать или оставаться. Произошел краткий обмен мнениями, причем я лично сказал, что наша прямая обязанность не только перед Великой Россией, которой мы, несмотря на все, что было, продолжаем служить, но и перед нашим начальником, Светлейшим Князем, пролившим свою кровь за родину и за нас всех, не оставлять его и следовать за ним, куда будет приказано. А главное — мы солдаты и нам не рассуждать и выбирать, что лучше, а исполнять приказ. Большинство согласилось со мною без каких-либо возражений.

Следующие дни прошли в сборах и вскоре дивизия князя, с ней и штаб, были морским путем из Риги переброшены в Нарву. Князь проехал туда же.

В Нарве штаб корпуса снова собрался. Помещен он был в доме Бек, недалеко от понтонного моста. Дом этот принадлежал родственникам нашего военного чиновника Максимилиана Бек, упомянутого выше. Просуществовав короткое время, штаб был, за ненадобностью, расформирован и его офицеры получили новые назначения в других частях Северо-Западной Армии. Я, лично, попал в штаб 2-ой стрелковой дивизии генерала Ярославцева, где начальником штаба застал, как уже упомянуто было, полковника Прокоповича. В Митаве осталось очень немного из бывших офицеров штаба корпуса, главным образом по семейным причинам.

Николай барон Будберг.

От Редакции: Редакция пользуется случаем, чтобы поздравить своего дорогого сотрудника Николая Анатольевича Будберг с исполнившимся в этом году 70-летием со дня его рождения.

Маневры под Каширой

(Из воспоминаний Сумского гусара).

Сентябрь 1909 или 1910 года. Полк выступает на «Подвижные Сборы». Хотя отпуска в этот период не допускаются, но командир 2-го эскадрона ротмистр Марков, ухитряется его получить. Причина серьезная: сбор хлебов в его маленьком имении в Тульской губернии. Практичный «Маркуша» уезжает сам-четверг. Кроме него — деньщик, вестовой и один из отпускных (помогать к-ру эскадрона). Временно командующим эскадронам назначается недавно произведенный в поручики Говоров. Молодому командиру эскадрона 23 года. Энергии масса, апломба и самоуверенности еще больше. Опыта немного, но за спиной стоит старый вахмистр Иван Маркович Стрюк.

В процессе подвижных сборов непрерывные маневры — сначала полк против полка, потом бригада против бригады и т. д. Вначале все идет благополучно. Но подходят дивизионные маневры. 2-й эскадрон получает задачу прорваться через линию неприятеля для глубокой разведки. Командир эскадрона выбирает направление не совсем удачно — попадает почти что в гущу врага и под сильный обстрел. Но так как пули не летают, это не смущает лихого командира. Под негодующие крики пехоты — прорыв совершен. Издали видна фигура штабного офицера с повязкой на руке, который мчит объявить эскадрон «уничтоженным». Но командир эскадрона избегает этого позора, свернув в лес, и грузный посредник не может догнать гусара.

Эскадрон двигается дальше за новыми лаврами. Случай представляется скоро. Дозоры доносят, что двигается неприятельская артиллерия — прикрытия не видно. Эскадрон разворачивается и идет в атаку. Подскакав ближе, обнаруживается — это всего лишь обоз 2-го разряда. Но остановить атаку уже поздно. Азарт охватывает всех, и атакующих и атакуемых. Деньщики обоза взбираются на повозки, снимают пояса, чтобы бляхами отбивать нападение. К довершению несчастья, вдоль дороги идет канава. Подскакав к ней лошади останавливаются и как всегда бывает в таком случае, прыгают неуклюже «свечкой», при этом подминают двух вожатых. Из обоза несется возмущение и ругань. Несколько сконфуженный командир собирает эскадрон и очищает поле сражения.

Скоро маневр этого дня заканчивается. Командир Гренадерского Корпуса генерал Эрк распускает войска на отдых, приказывая явить-

ся на разбор маневров высшим начальствующим лицам до командиров эскадронов включительно. Подробно разобрав весь ход маневра, указав ошибки, генерал Эрк заканчивает свой разбор словами: «В заключение я должен коснуться одной конной атаки и должен сказать, что это не атака, а форменный разбой. Я не хочу узнавать фамилию виновного, но предупреждаю его, что в следующий раз подвергну его строгому взысканию». Настроение поручика Говорова значительно падает.

Остается еще один день маневров. На этот раз, Гренадерский Корпус, против подходящего из Тулы 13-го (или 17-го). На маневрах должен присутствовать Командующий Войсками генерал Плеве. Перед этим войскам была дана дневка. 2-му эскадрону дано расположение вместе со 2-й Конной батареей, которой тоже временно командовал еще совсем юный подпоручик Рождественский. Конечно, явилась мысль устроить объединение с Конной артиллерией. Из ближайшего заводского кооператива были куплены вина, закуски и даже удалось добыть бутылку шампанского. Вечером собрались все офицеры эскадрона и прибыл подпоручик Рождественский. Все шло честь-честью. Выпили кое-какое количество рюмок водки, вина, а потом раскупорили шампанское и командир эскадрона только что начал свой тост за здоровье лихой конно-артиллерии вообще, а 2-й Конной батареей и в ее лице подпоручика Рождественского в частности, как появилась фигура конно-вестового из штаба полка с пакетом. Прекратив тост, командир эскадрона расписался на конверте, сунул бумагу в карман и отправил вестового. Все это заняло несколько секунд и тост был закончен. Любезный гость не остался в долгу и тоже провозгласил тост за славную конницу, Сумской полк и доблестный 2-й эскадрон и его командира. Кто-то из присутствующих, как бы объединил оба тоста, высказав свою глубокую уверенность, что если будет война и 2-й эскадрон будет действовать со 2-й Конной батареей, то противнику не поздоровится. Хотя этот оптимистический прогноз не совсем оправдался в последнюю войну, но тогда тост был принят горячо. После были и другие тосты и «дружеская беседа затянулась за полночь». Когда юный конно-артиллерист свалился под стол, стало ясно, что гостеприимство закончилось блестяще и подпоручик Рождественский был бережно отнесен на руках в свою квартиру. Но

и хозяева понесли потери. Командир эскадрона был под руки отведен на свою кровать и заснул не раздеваясь.

После подвигов предыдущего дня, на последний день маневров 2-му эскадрону была дана какая-то второстепенная задача — не то прикрывать, не то что-то обеспечивать и выступление было назначено сравнительно поздно — в 7 часов. Проснувшись около этого времени, командир эскадрона сунул руку в карман и обнаружил какую-то бумагу, прочтя которую почувствовал себя не очень хорошо. В бумаге, за подписью адъютанта, было сказано: «Завтра в день окружного маневра на станцию Н. в 6 утра прибывает поезд Командующего Войсками Округа. Командир полка приказал от вверенного Вам эскадрона отобрать 8 доброезжих и смиренных лошадей, коих под седлами с вестовыми отправить к указанному сроку на

станцию Н. для свиты Командующего Войсками. Спешенных гусар отправить в обоз 2-го разряда».

У поручика Говорова по спине пробежали мурашки, когда представилась картина, как на станции Н., которая была верстах в 8-ми, уже час как бегают свита генерала Плеве и ищет своих лошадей. Что было делать? Спешно отобрать лошадей и отправили их с вестовыми на станцию. Лошади прибыли с опозданием на 2 часа. Командующий Войсками объявил командиру 2-го эскадрона выговор в приказе по Округу и поручик Говоров считал, что дешево отделался.

Для некоторой реабилитации, необходимо добавить, что это было единственное взыскание на него наложенное за всю его службу.

Б. Г.

По поводу фальсификации прошлого

В издающейся в Париже газете «Русская Мысль», помещена очень интересная статья Т. К. Чугунова по поводу распространения грамотности в старой России.

Ленин и Советская Энциклопедия насчитали к 1917 году лишь 27 проц. грамотных. Статистика явно фальшивая уже по одному тому, что в рубрику «грамотных» включены лишь окончившие 4-летний курс земских школ и совершенно игнорируются школы церковно-приходские.

Т. К. Чугунов вычислил к 1917 году 64 проц. грамотных, причем он оговорился, что эти цифры относятся только к Европейской России и в них совершенно не вошли ученики мелких деревенских школ, затем — обучавшиеся одиночным порядком и солдаты, вернувшиеся со службы. Вот, относительно их-то мне и хочется поговорить.

В 1898 году я был назначен помощником заведующего новобранцами в 18-й Конной батарее. Их приходило ежегодно немного — 35-40 человек. Служба тогда в Конной артиллерии была пятилетняя. Нужно отметить, что к нам назначались новобранцы от тех уездов, кои не получали наряд для гвардии. Народ был отборный во всех отношениях и процент грамотных, по тем временам, был значительный, но

все же не превышал 50 проц. Обучение грамоте происходило в батарейных школах, в той же батарее, где я начал службу, в школе было два отделения: одно для канониров младшего срока службы — тех, кто проходил курс обучения грамотности, будучи новобранцами, другое — для новобранцев.

Педагогические способности заведующего новобранцами были выдающиеся. Впоследствии, по окончании Юридической Академии, он посвятил себя педагогической деятельности, и вот, при такой постановке, ни один солдат не уходил в запас неграмотным. Большой процент достигал очень хороших результатов: читали, писали и твердо знали четыре правила арифметики и, даже, решали задачи.

Статистика грамотных велась в этой батарее во все время моей там службы, и в 1903 году процент грамотных поднялся с 50 до 65 проц., что показывает на быстрый рост развития грамотности в России.

Моя служба сложилась так, что я в течение шести лет отошел от дела обучения новобранцев (участие в русско-японской войне, Офицерская Кавалерийская и Артиллерийская Школы) и, когда в 1913 году был назначен командиром 13-й Конной батареи, то увидел, что надобность в школе грамотности миновала, не-

грамотных приходили на службу единицы. С ними занимались «дядьки», как называли учителей молодых солдат.

В этой батарее я застал заведующим новобранцами офицера, который по призванию занимал эту должность с чина подпоручика до чина капитана включительно. Тут уже была забота не только о грамотности, но и о моральном воспитании солдата.

Я застал в 13-й Конной батарее такой порядок: в первый месяц новобранцы не распределялись по взводам (только для уборки лошадей), а жили отдельной командой. Заведующий новобранцами, в первые же дни прихода их, вызывал по одиночке каждого и записывал в книгу всю «биографию» новобранца — его семейное и имущественное положение и, таким образом, при обучении, создавался индивидуальный подход к молодому солдату.

Наш старый вахмистр Афанасий Петрович сумел установить в батарее патриархальные отношения с солдатами. Солдат, положим, стал небрежно относиться к службе — заскучал. Вахмистр приглашает к себе «попить чайку», разговаривает с ним о его деревне, семье и прочем, и этого достаточно, чтобы солдат подтягивался, не желая огорчать Афанасия Петровича.

Преступного элемента в батарее не было. Все это были крестьяне малороссийских губерний, а сам вахмистр — Херсонский однодворец.

В этой батарее была еще одна, достойная подражания традиция: на праздник Пасхи командир батареи и все г. г. офицеры делали первый визит своему вахмистру. У него же собиралась и батарейная аристократия: взводные, подпрапорщики, писаря, каптенармус. Вахмистерша умела угостить.

Офицерский состав был выше всякой похвалы. Судьбе было угодно, чтобы я пережил их всех, и всегда я вспоминаю их с истинным чувством благоговения к их памяти. Результаты таких отношений между офицерами, вахмистром и солдатами сказались в том, что редко, очень редко, приходилось прибегать к дисциплинарным взысканиям (лодыри все же были). Инспектирующий артиллерийский генерал (до 1910 года, артиллерия подчинялась Начальникам артиллерии корпуса) никак не мог понять — почему в журнале взысканий почти отсутствовали записи, и мне показалось, что он недоверчиво встретил мой доклад, что ни одно взыскание не приводилось в исполнение раньше, чем оно попадало в журнал.

Некоторая иллюстрация: смотр командира XIV-го армейского корпуса генерала Брусилова (генерал Брусилов им командовал до XII-го корпуса). Генерал обходит новобранцев батареи: «как фамилия?» — «Ткачук, Ваше Превосходительство». «Какой губернии?» «Хвалиться не буду — Витебской». (Несколько новобранцев было переведено из 7-й кавалер. дивизии и вот среди малороссов оказался белорусс). Генерал идет дальше, видит молодцеватого красавца и спрашивает: «Служить хорошо?» — «Так точно, весело, Ваше Превосходительство». Ген. Брусилов говорит: «Как важно чтобы у солдат были веселые глаза, как у всех ваших молодцов».

Скажу в заключение — сколь же велика заслуга Императорской армии еще в мирное время перед Россией, так как помимо специальной подготовки солдата она выполняла и культурную задачу!

А. Левицкий.

Дело Полковника Мясоедова

Мне не раз приходилось встречать в статьях и воспоминаниях различные мнения о виновности полковника Мясоедова. Некоторые же авторы определенно утверждают, что Мясоедов пострадал невинно. Это, мол, тот «стрелочник», на которого можно было свалить вину за наши неудачи в Восточной Пруссии. Так как в высказываниях этих встречаются многие неточности, то позволю себе напомнить о некоторых фактах. Может быть тогда дело Мясоедова будет оценено несколько иначе, чем сделал это польский писатель Мацкевич.

Я лично знал подполковника Мясоедова в бытность его начальником Вержболовского жандармского железнодорожного отделения. В

молодости офицер одного из пехотных полков Ковенского гарнизона, женатый на дочери владельца Ковенского гвоздильного завода Тильманса, по рождению немке, он вскоре перешел на службу в Отдельный корпус жандармов.

Нас, офицеров Уланского полка, стоявшего в 20-ти верстах от этой пограничной станции, поражали те крупные связи, которые имел простой жандармский офицер в Германии, и тот широкий размах, с которым он жил. После одного случая в полку его перестали принимать, но молодые офицеры бывали у него, — как бы инкогнито, ибо влекла туда нас обворожительная хозяйка, широкое хлебосольство и интересные приезжие немки.

И вот в один прекрасный день меня, как полкового адъютанта, требует к себе на квартиру командир полка, бывший в ту первую революционную вспышку (1905 г.) Начальником военного района двух пограничных уездов. Застаю там жандармского офицера, прибывшего из Петербурга с секретным поручением штаба корпуса жандармов произвести обыск у подполк. Мясоедова, и получаю приказание заготовить предписание командиру эскадрона в местечке Вержболово содействовать этому офицеру при производстве обыска. Цель такового: найти огнестрельное оружие, которым якобы торгует подполк. Мясоедов, перевозя его тайно через границу. Но за этим скрывалось, как говорили еще тогда, нечто другое, сиречь шпионаж.

Что было обнаружено при обыске — не знаю. Жандармский офицер укатил в ту же ночь, с какими-то вещественными доказательствами, в Петербург. А результат был таков: подполк. Мясоедов вскоре был отрешен от занимаемой им должности и удален из Корпуса жандармов.

Выйдя в запас, Мясоедов делается, видимо для отвода глаз, представителем одной крупной автомобильной немецкой фирмы. Опять широкий образ жизни: открытый дом, постоянные приемы. Жена его сближается с супругой Сухомлинова. И Мясоедов свой человек в доме Военного министра. Его на шумевшая в свое время история с редактором «Вечернего Времени» Бор. Сувориним и затем дуэль с Гучковым, — хорошо были известны всем и писались тогда об этом много.

Грянул гром войны. Завод Тильманса, тестя Мясоедова, закрывают, а его самого, бывшего на подозрении еще в мирное время, высылают вглубь России. Мясоедова призывают из запаса, он надевает мундир подполковника, с зачислением по армейской пехоте и назначается в распоряжение Военного министра ген. Сухомлинова, пользуясь его особым покровительством.

Материал, который мог добыть у Военного министра бывший жандармский офицер, не удовлетворял, видимо, его «хозяев». От него требовали более интересных для них оперативных сведений. Но для этого надо было проникнуть на фронт.

И вот в один прекрасный день в штабе I-ой армии появляется подполк. Мясоедов с рекомендательным письмом Военного министра, с просьбой о назначении его в штаб армии. Но здесь ему не повезло. Начальник штаба генерал Одиселлидзе, по докладу начальника контрразведывательного отделения подполк. Бело-

водского, знавшего хорошо прошлое своего сослуживца, — ему вежливо отказал. Но Мясоедов не унывает. Возвращается в Петроград и, заручившись новой рекомендацией, направляется в штаб 10-ой армии. Здесь письмо Военного министра возымело свое действие и Мясоедов назначается на штатную должность штаб-офицера для поручений при разведывательном отделении этого штаба.

Непонятно, как об этом мог не знать начальник штаба крепости ген. Бурковский, когда сообщил Б. Бучинскому, что в крепость приехал, «командированный Ставкой жандармский полковник Мясоедов», а не штаб-офицер из штаба 10-ой армии, ничего общего тогда с жандармерией не имевший. Странно, что об этом повторяет дальше и Б. Бучинский, говоря: «К нам в хату вошел высокий, очень представительный, элегантно одетый, жандармский полковник...». Да и Ставка была здесь не причем, ибо все это дело было возбуждено штабом Сев.-Зап. фронта. Откуда и был назначен председателем военно-полев. суда, ген. штаба полковник Л.

Были ли у Мясоедова сообщники? Суд этого не выяснил. На вопрос, поставленный ему об этом председателем суда, он ответил: «Если я их назову, то вы все здесь ахнете».

Действительно ли за спиной Мясоедова стояли такие лица, которых он назвать не мог, или делал только вид, что таковые существуют, стараясь тем воздействовать на суд? Но это его не спасло. Мясоедов был приговорен к повешению.

Все это мне известно со слов генерала Турбина, присутствовавшего на суде.

Варшавский ген.-губернатор князь Енгальчев, в распоряжении коего я в то время состоял, должен был, как пользующийся правами командующего войсками округа, приговор этот утвердить. Не желая, видимо, брать на себя такую ответственность, князь Енгальчев, имевший большие связи в Ставке, телеграфировал Верховному Главнокомандующему Вел. Князю Николаю Николаевичу о приговоре суда. Вскоре от Вел. Князя был получен ответ: «Другого решения быть не может». И приговор был утвержден.

На рассвете Мясоедов был повешен.

Присутствовавший на казни, по приказанию ген.-губернатора, полковник Олсуфьев говорил мне, что Мясоедов держался перед казнью все время подчеркнуто спокойно и самоуверенно, как будто надеясь, что кто-то должен его спасти.

Кн. П. Ишеев.

Воспоминания бывшего юнкера Алексеевского Военного Училища

(К столетию со дня основания).

Высочайший парад, прошедший 6 августа 1914 года в Кремле (см. «Военную Бель» № 41), оставил восторженное впечатление у всех наших юнкеров и до конца своих дней нельзя забыть светлый образ Государя, нашего Шефа Цесаревича и всей Царской семьи.

Приказ Государя о сокращении нашего курса до 4-х месяцев вызвал у нас еще больший подъем духа и усилил желание своим усердием оправдать милость к нам Государя и быть достойнейшими офицерами нашей Императорской Русской Армии.

С еще большей энергией мы отдались своим занятиям, день наш начинался в 6 часов утра, поднимала нас обычно труба горниста и крик дневального «Вставайте, господа!» и редко кто не вскакивал сразу. Минут 15-20 шло на умывание, чистку сапог, пуговиц, пряжки на поясе, затем — быстрое одевание и становились для осмотра отделенным командиром. После, училище обычно шло на прогулку и через полчаса возвращалось к утреннему чаю с булкой и маслом, затем лекции до 12 часов дня, а после плотного завтрака до 4 часов происходили строевые занятия, — гимнастика, строевой и полевой уставы и пр. После обеда мы имели отдых до 10 часов вечера с перерывом на восьмичасовой чай. Как правило весь вечер у нас был занят подготовкой к лекциям, а перед репетициями засиживались и до 12 ночи.

Самый интересный для нас предмет был тактика, лектор был прекрасный и его час нам всегда казался очень коротким, но и остальные предметы слушались с неослабным вниманием, ибо все для нас было ново и полезно для ожидавшего нас фронта. Стрелковое дело у нас было поставлено блестяще, это была традиция Алексеевского военного училища. Каждый наш

юнкер должен был стрелять лучше всех и действительно наше училище в мирное время часто получало за стрельбу призы в Московском военном округе.

Наш курсовой офицер гвардии капитан Г. Р. Ткачук, георгиевский кавалер японской войны, старался передать нам весь свой боевой опыт и все последующие достижения в военном деле. Полевой устав не столько теоретически, сколько практически мы проходили под руководством этого выдающегося офицера. Он был строг и неумолим в своих требованиях, но мы его ценили за прекрасное преподавание, справедливость и заботу о нас, хотя ругал он нас часто и считал, что за такой короткий срок, как в четыре месяца, трудно из «шпака» сделать офицера.

Дальнейшее показало, что он немного ошибся в своем мнении, — многие из нашего выпуска сделались георгиевскими кавалерами, еще больше пало смертью храбрых в борьбе с врагами нашей родины, а к концу уже 1915 года, некоторые, оставшиеся в живых, получали в командование даже батальоны.

В конце августа прошли у нас планшетные съемки, а в начале сентября мы в составе 4-х полурот младшего курса, отправились походным порядком, с полной выкладкой, в летний лагерь училища на Ходынском поле для прохождения стрельбы по разным мишеням. Этот поход, кажется в 16 верст, был первым хорошим упражнением и испытанием для будущих пехотинцев. Шли мы с песнями или под барабанный бой, некоторые с непривычки уставали, но интерес к этому походу был очень велик и усталость не помешала нам стройно дойти до лагеря. Вот только спать в холодных бараках было не совсем приятно, ночи в сентябре были уже прохладные. Но на утро усиленной гимнастикой и горячим чаем все это было поправлено и мы двинулись на полигон. Пальцы рук от холодной винтовки стали быстро замерзать и перед стрельбой мы старательно их растирали, чтобы придать им эластичность.

Стрельба была по неподвижным и движущимся мишеням и по внезапно появляющимся, изображавшим перебежку пехоты или неожиданно атакующую нас кавалерию. Как всегда, наша рота Его Высочества шла по стрельбе первой, редко кто из нас не попадал все 5 пуль,

почти также хорошо стреляли и другие роты и мы, несмотря на очень и очень короткую подготовку, не уронили старые традиции училища. Обратный путь в свое родное Лефортово был уже легче, а главное нас радовали успехи по стрельбе.

В это время, в конце сентября, наше училище начало прием новой группы молодежи, съехавшейся со всех концов России в Москву, но помещение для них еще не было свободно, мы могли переехать в помещение старшего курса только после их производства в подпоручики 1-го октября, поэтому нам, закончившим младший курс, было предложено поехать в отпуск на 5 дней, дабы освободить помещение для молодых юнкеров, чем мы, конечно, с радостью и воспользовались. Перед отъездом я взял у нашего дядьки-каптенармуса на прокат мундир на белой подкладке (такие мундиры не разрешалось, конечно, нам носить, но у своих родных и знакомых неофициально было возможно).

Моя поездка домой в Казань прошла, как чудный сон, — встреча с родителями, братьями и любимой девушкой была лучшим подарком. Меня едва узнали в ловко-сидящей форме и с юнкерской военной выправкой, так быстро привитой в училище. Талия была затянута до предела, шинель, как говорилось, надевалась с мылом и без единой складочки. Все мои родные и близкие были рады за меня и горды мною, а я сам больше всех. Дома я успел пробыть около двух суток и возвращался в училище уже юнкером старшего курса.

С неослабной энергией вновь мы приступили к своим занятиям, внешне как будто стало немного свободнее, можно было спать лишних 15 минут, но времени свободного стало еще меньше. Первоначально 2-летний курс был сокращен на 8 месяцев, а потом эту же программу уложили в 4 месяца.

В конце ноября, после сдачи всех репетиций, был разбор вакансий. Еще задолго до производства было известно, что нам будет дано 48 вакансий в Действующую Армию. Попасть туда прямо из училища было мечтой многих и мы все старались получить лучшие отметки, чтобы иметь преимущество в получении этих желанных вакансий. Наш фельдфебель Радушнов, старший портупей-юнкер Каменев, два моих приятеля, Николай Иконников, Тихонов, я и еще не менее 10 человек нашей роты попали в число этих счастливых.

Наконец настал желанный момент, — 1-го

декабря, около 9 часов утра, мы последний раз были построены в манеже и генерал Хамин, всеми нами любимый Начальник училища, объявил Высочайший приказ Государя о производстве нас в прапорщики. Генерал Хамин, поздравляя нас с производством в офицеры, сказал нам сердечное напутственное слово и выразил полную уверенность, что Алексеевцы честно исполнят свой долг перед Государем и родиной в тяжкую годину войны.

После этого радостного и незабываемого момента в нашей жизни мы отправились срочно переодеваться в свое новое офицерское обмундирование и быстро выяснив сколько каждому из нас полагается поверстного срока, то-есть через сколько дней мы обязаны явиться к месту назначения, в большинстве успели съездить к родителям показаться им уже офицерами, получить их благословение и отправиться на фронт.

Большинство нашей группы попало в 13-ый и 15-ый армейские корпуса, я и более десятка наших Алексеевцев зачислены были в 4-ый Копорский полк, стоящий около города Либавы на охране побережья, а не на фронте, поэтому мы, в числе 11 человек, просили нас откомандировать на действительный фронт. Вскоре просьба наша была уважена и нас перевели в 269-ый Новоржевский полк (второочередной полк, выделенный 93-м Иркутским пехотным полком), стоявший в то время в Восточной Пруссии перед городом Тильзитом.

В этом полку и протекла моя боевая служба в 1-ую Мировую войну.

В Алексеевское родное училище я снова попал в 1916 году, во время проезда через Москву. Конечно, я пошел прямо к капитану Ткачуку, ставшему с 1-го декабря 1914 года командиром новой 5-ой роты. Встреча была самая сердечная и он повел меня в нашу 1-ую роту, где прошла моя короткая юнкерская жизнь, оставшаяся навсегда светлым воспоминанием. Так приятно было войти в свое родное училище и свою роту, всю ее обойти, поговорить с молодыми юнкерами и вспомнить с капитаном Ткачуком о прошлых, уже далеких днях моего пребывания в роте и как он нас учил и ругал и помогал сделаться достойными офицерами нашей Императорской Русской Армии.

Это была моя последняя встреча с моим дорогим и строгим учителем и родным Алексеевским военным училищем.

В. Федуленко.

Симбирский Кадетский Корпус

В 1871 году военное начальство предположило перевести Пермскую прогимназию в какой либо приволжский город. Вследствие сего, директор помянутой прогимназии просил Симбирского губернатора сообщить ему, нет ли в Симбирской губернии подходящего помещения для закрытого учебного заведения на двести воспитанников, с двадцатью квартирами для служащих, но с тем условием, чтобы это помещение или достаточно обширное место для постройки одного можно было приобрести выгодно для казны. Губернатор передал ходатайство директора Пермской прогимназии в городскую думу и в губернскую земскую управу. Городская дума, находя, что переход Пермской прогимназии для Симбирска полезен, постановила уступить казне безвозмездно, для устройства прогимназии, то место, со всеми на нем строениями, где до пожара был почтамт (Симбирские Губернские Ведомости, 1871 г., № 47).

Губернское земское собрание, в сессии 1872 года, отклонило ходатайство директора Пермской прогимназии, так как пришло к тому убеждению, что открытие в Симбирске прогимназии недостаточно, что следует открыть военную гимназию, то есть учебное заведение с полным обще-образовательным курсом, подобно гражданским гимназиям, но только без преподавания древних языков и с тем неперменным условием, чтобы в нее могли поступать дети лиц всех сословий, на тех же основаниях, на которых допущен прием их в гимназии Министерства Народного Просвещения. По сим соображениям земское собрание постановило ходатайствовать об открытии в Симбирске военной гимназии и при этом высказало, что если это ходатайство будет удовлетворено вполне согласно с основаниями, указанными собранием, то земство назначает на содержание гимназии ежегодную субсидию в 12.000 рублей и на первоначальное обзаведение одновременно 2.500 рублей (Симбирские Губернские Ведомости 1873 г. № 6).

Главное управление военно-учебных заведений сочувственно отнеслось к предложению Симбирского губернского земства и 21 апреля 1873 года состоялось Высочайшее повеление об устройстве военных гимназий для приходящих учеников в тех местностях, где это признается более удобным и выгодным. Военный совет решил открыть, прежде всего, две таких гимназии, в Петербурге и Симбирске, каждую на 300

человек и на условиях, вполне согласных с указаниями Симбирского земства. Вследствии этого, все распоряжения относительно устройства военной гимназии в Симбирске были сделаны с таким расчетом, чтобы она могла быть открыта к 1873/74 учебному году и, действительно, 7 сентября 1873 года последовало открытие Симбирской военной гимназии.

Первоначально были приняты воспитанники только в 1-ый класс, в который поступило 48 учеников, затем 2-й и 3-ий классы открыты несколько позже, а следующие классы открывались постепенно, по одному с наступлением каждого последующего учебного года (Симбирские Губернские Ведомости, 1873 г., № 68).

Первым директором Симбирской военной гимназии был полковник Федор Константинович Альбедиль. Военная гимназия первоначально помещалась бесплатно в доме городского общества, занимая весь верхний этаж этого здания. Со второго года существования гимназии, с августа 1874 года, тоже по инициативе Симбирского губернского земства, учрежден был при гимназии пансион на 70 учеников, в виде опыта — на три года (Симбирский календарь на 1878 г., стр. 195) и помещался в частном доме на Спасской улице (где ныне Языковские номера), но вскоре же признано было полезным оставить пансион навсегда, почему 12 августа 1878 года последовало Высочайшее Положение Военного совета о преобразовании Симбирской военной гимназии в заведение с интернатом и ей присвоен новый штат, 350 интернов и 100 экстернов, и табель, которые введены в действие с учебного 1877/78 года. Вместе с сим, Симбирскому губернскому земству предоставлено было, ввиду уплачиваемой им субсидии в 12.000 рублей, замещать в интернате гимназии 40 вакансий детьми всех сословий (Второе полн. собр. зак., т. 53, стр. 58796). Но еще ранее того, для гимназии было выстроено от казны большое каменное здание, на уступленном городом месте, по Троицкому переулку, близ церкви св. Троицы, в каковое здание гимназия перешла 9 октября 1877 года.

Затем, Симбирская военная гимназия, на общем основании, по положению, Высочайше утвержденному 14 февраля 1886 года, преобразована в кадетский корпус, а 16 апреля 1887 года (Третье полн. собр. зак., т. VII, стр. 4357) комплект кадет интернов сокращен и от земства отнято право на замещение сорока вакансий пансионеров.

С весны 1895 года началась постройка, на углу Покровской и Комиссариатской улиц, но-

вого большого флигеля для кадетского корпуса, на 28 офицерских квартир; работы окончены осенью 1896 года и тогда же новый флигель был занят квартирантами-служащими при корпусе

офицерами, священником и доктором.

Оба здания кадетского корпуса могут считаться одним из лучших городских зданий.

Сообщил **Б. Ермолов**

Хроника «Военной Были»

ПОУЧЕНИЕ ПОРТУПЕЙ-ЮНКЕРА МЛАДШИМ ТОВАРИЩАМ

Теперь поговорю с вами о наших Михайловских традициях: наш основной лозунг — ПОРЯДОК и ПОРЯДОЧНОСТЬ. Его свято должны помнить все Михайловцы. Порядок заключается в строгом соблюдении правил «Инструкции», ее вы получите от меня каждый в печатном экземпляре. Требования ПОРЯДОЧНОСТИ следующие: никогда в стенах училища НЕ ПИТЬ, НИ В КАРТЫ НЕ ИГРАТЬ — это первое правило. Юнкера его не соблюдающие рискуют исключением Товарищеским Судом Старшего Класа. Помните это твердо. Не приглашать в училище, даже на прием, женщин легкого поведения. На экзаменах и репетициях НЕ ПОДСКАЗЫВАТЬ — ибо это нечестно. Полученные баллы ведь определяют право выбора вакансий при выпуске — значит юнкер должен добывать себе хороший балл собственным трудом а не подсказом товарища. Быть всегда вежливым и корректным со всеми. Крепкие слова в нашей среде не допускаются ни под каким видом. В зимних помещениях курить только в курилке и никогда не бросать окурков на пол. В лагере курение допускается в бараках при открытых окнах. Строго запрещено на первой линейке. Казенное обмундирование у нас хорошее, сшито по мерке. Если юнкер имеет чтонибудь собственное — должно быть СТРОГО ПО ФОРМЕ. Сапоги в отпуску разрешается носить собственные шагреновые или лакированные по желанию. Помните что у нас не принято заводить собственных шинелей — казенные вполне приличные. Плечевые портупей в отпуску принято иметь свои, хорошей мягкой кожи, от Бобина (на Екатерининском канале). Шпоры носить только «Савельевские»...

Во всех случаях сомнения, обращаться ко мне, вашему «правлящему», не стесняйтесь, будите меня даже ночью... Называть меня только по фамилии... Инструкцию нашу вы должны знать ТОЧНО — это устав училища. В ней вы найдете все нужное.

Из воспоминаний юнкера Михайл. арт. уч.
А. Борцова

ШТЫКИ В СТРОЕВЫХ РОТАХ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ

В конце марта 1907 года, от нашего Первого кадетского корпуса, отправилась делегация в Царское Село, в составе Директора, командира Роты Его Величества полковника Забелина и ее вице-фельдфебеля Богдановича, для поднесения Государю Императору нагрудного знака, полагавшегося офицерам Первого к. к. при парадной форме. Знак был красивый серебряный с большим вензелем Императрицы Анны Иоанновны. Государь хотел иметь его при шефской форме, между тем, по старой традиции, эти знаки были собственностью корпуса и давались офицерам под расписку, в особой книге, хранившейся в музее корпуса.

Государь милостиво принял делегацию, за просто говорил с Богдановичем и расписался в книге внизу последнего в ней расписавшегося офицера-воспитателя. На прощание, он сказал Богдановичу «а почему у тебя на поясе нет штыка? Хочу чтобы кадеты строевой роты носили холодное оружие, при отпусковой форме.

После этого всем корпусам дали штыки в лакированных ножнах, кадетам строевых рот.

При этом-же случае, наша Рота Его Величества получила право иметь, сверх барабанщиков и горнистов, еще и флейгистов, подобно гвардии. Этим возстановливалось прежнее наше Павловское отличие.

Из воспоминаний **А. В. Борцова**

МНЕНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО О КАРТОЧНОЙ ИГРЕ

Петр Великий не играл в карты ни в какую игру, кроме голландской игры, называемой «Гравиас», да и в ту весьма редко; но любил лучше проводить время в разговорах с морскими офицерами, корабельными мастерами и купцами; а потому при Дворе его игра была не в обыкновении.

В армии и во флоте не была она совсем запрещена, однако не позволено было проигрывать больше рубля; кто-ж проигрывал более,

тот по военному артикулу не обязан был платить. Сверх того проигравшие больше рубля, подвергались военному суду и наказанию, когда фискал на них доносил. Государь обыкновенно говаривал о сих игроках, что они либо совсем не имеют вкуса в полезных делах которыми могли-бы заниматься, либо хотят других обыгрывать. (Сведано от Генерал-Экипажмейстера Брюйнса).

извлек А. Г.

ТРАДИЦИЯ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ФЛОТА

В летописях нашего флота — Гангут, Чесма, Наварин, Синоп и Севастополь. История устанавливает между ними неразрывную связь.

Плодами Гангутского боя были Чесма, Наварин, Синоп и Севастополь... Когда черноморцы шли в Синоп, они стремились быть достойными героев Чесмы и Наварина, Наваринцы — Сенявинцев, Сенявинцы — Ушаковцев и моряков Екатериненских времен, помнивших еще Гангут и чтивших заветы Великого Петра.

Русский Императорский Флот свято хранит уроки своих старших поколений, на них воспитывался и подвиги предков создавали его дух и нравственную силу.

Мичман последнего вып. Российского
Императорского Флота
Г. фон-Гельмерсен

ПРИСЯГА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

Полковник Рерберг выводит полк на плац и перед глазами открывается редкая по красоте картина присяги новобранцев 3 гренадерского Перновского Короля Фридриха-Вильгельма IV полка.

Посередине плаца, стоят шесть совершенно одинаковых столиков, покрытых белыми скатертями. Перед столиками, на некотором расстоянии, стоит знаменщик полка старший унтер-офицер Артур Степин, со знаменем полка и ассистентом. Постепенно, после нескольких перестроений, с другой стороны каждого столика сбразуются стройные квадраты подтянутых гренадер Перновцев.

Перед каждым столиком появляются священнослужители разных религий. Полковой священник со Св. Крестом и Евангелием становится перед первым столиком, перед которым стоит самый большой «квадрат» новобранцев. Перед вторым столиком становится католический ксендз, перед третьим — лютеранский пастор, перед четвертым мусулманский мулла, перед пятым — еврейский раввин, а перед шестым, около которого стоят только два гренадера — нет никого.

Начинается чин присяги и к столику православных гренадер-новобранцев подносит знамя мой друг знаменщик Артур Степин, его настоящее имя Артур Стопинг и сам он — финн-лютеранин но свою почетную обязанность знаменщика он исполняет блестяще.

В то же самое время к последнему столику подходит мой отец командир полка и я вижу удивительную вещь, которая могла произойти только у нас, в старой России. Оба новобранца вынимают из карманов маленькие сверточки и тщательно разворачивают тряпочки, в которые они завернуты. Развернув тряпочки, оба вынимают из свертков двух маленьких деревянных «божков», выструганных из дерева и смазанных салом. Оба деревянные «божка-идола» водворяются на столик между моим отцом и двумя новобранцами и только тогда, мой отец, как высший в их глазах начальник, приводит обоих гренадер к присяге служить «верой и правдой» Царю и Отечеству.

После окончания чина присяги, священнослужители удалились, новобранцы возвратились к своим ротам и полк красивой лентой вошел в свои казармы.

«Наша Страна»

Николай Рерберг

ВОЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ.

Заметка о памятнике под г. Мельк, в Австрии, помещенная С. П. Андоленко в № 66 «ВОЕННОЙ БЫЛИ», заставила меня вспомнить о некоторых других курьезах в этом отношении.

Корпус генерала графа Сен-При, переправившись в конце 1813 г. через Рейн у Кобленца, нашел на городской площади памятник, воздвигнутый в память занятия французами Москвы. Надпись на колонне гласила: «A Napoléon le Grand. An 1812, remarquable par la campagne contre les Russes».

Полковник Магденко, назначенный комендантом Кобленца, против всеобщего ожидания, оставил памятник неприкосновенным, но приказал, под хвастливой надписью поместить: «Vu et approuvé par nous commandant Russe à Coblenze en 1813».

В Лейпциге, на Земмельвейс штрассе, еще до сих пор стоит колоссальный памятник — храм Св. Алексея, построенный, согласно надписи, «Памяти 22.000 русских воинов, павших за освобождение Германии в 1813 году, под Лейпцигом». Однако, в 1945 году, советские войска прибавили еще одну доску с надписью: «Вечная слава героям, павшим за свободу и независимость нашей Родины 1813—1945».

Сообщил Г. Гринев.

Обзор военно-исторической печати

«МАРКОВЦЫ В БОЯХ И ПОХОДАХ ЗА РОССИЮ». Книга 1-ая. 1917—1918 г.г. Составил В. Е. ПАВЛОВ. Париж 1962 год.

Героическая эпопея 1-го и 2-го Кубанских походов в ярких красках представлена в этой прекрасно изданной книге. Читатель, ознакомившись с зарождением Добровольческой армии, может проследить, в каких, далеко неординарных, условиях велась война. Большое численное превосходство было неизменно на стороне красных, они же имели, почти неограниченные, запасы вооружения и боевого снабжения, чего добровольцы были лишены, вооружаясь лишь за счет противника, добывая все необходимое ценою крови. Добровольцы могли побеждать или оказывать упорное сопротивление лишь благодаря беззаветному мужеству бойцов и военному искусству командования, при этом, гибли массами, получая лишь слабое пополнение. Борьба этих белых рыцарей, во имя священной идеи, проходила при невероятно тяжелом для них положении: холод, голод, усталость, отсутствие хорошей одежды, истрепанная обувь, иногда враждебно настроенное, измученное постоянной войной население. Не существовало тыловой базы. Раненые, больные тряслись в телегах обоза, который все время находился под угрозой захвата красными. Попадая в плен к красным, они подвергались мучительным пыткам и смерти. Жуткие картины нарисовал автор этой книги и, наряду с ними, трогательные примеры жертвенных добровольцев, часто юношей и подростков — кадет, гимназистов.

Автора книги можно упрекнуть в несколько поверхностном суждении о тех офицерах, которые колебались поступать в Добровольческую армию. Я не говорю о «шкурниках», но не надо упускать из вида, что порыв многих охлаждался недоверием. Еще очень свежо было воспоминание о позорном малодушии и, даже, низком предательстве тех генералов, кои вдруг воспылали революционным восторгом, и чуждо звучала для Императорских офицеров песня: «мы былого не жалеем, Царь нам не кумир»... Сам автор книги, говоря об Екатеринбургском злодеянии, пишет, с явным укором кому следует: «Тяжелая горечь давила на сердце каждого(?) узнавшего о панихиде по Императоре и его семье, носившей НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ характер» (Курсив мой. А. Л.).

Ярко обрисован в этой книге героический облик убитого в бою генерала Маркова. Ему не только верили и его любили, им восторгались.

Его заветы служили путеводной звездой для марковцев и марковцы не посрамили имени своего доблестного шефа.

В тексте, очевидно, для экономии места, по нашему, слишком много сокращений при наименовании войсковых частей. Все же в ней 396 страниц, помещены портреты белых вождей и некоторых первопоходников. В ней читатель найдет подробную характеристику возглавителей Белого Движения, генералов Алексева, Корнилова, павшего на своем боевом посту, и Деникина. Описана и трагедия генерала Каледина, служба которого Царю, Родине и родному Дону была безупречна.

А. Левицкий.

ОБЗОР ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

«СОН ЮНОСТИ» — Воспоминания Великой Княжны Ольги Николаевны, впоследствии Керсслевы Вюртембергской. «Военно-Историческая Библиотека ВОЕННОЙ БЫЛИ» № 7. Париж 1964 год.

Вторая дочь Императора Николая I-го, Великая Княжна Ольга Николаевна, впоследствии Королева Вюртембергская, оставила после себя записки на французском языке, предназначенные дочерям Великой Княгини Веры Константиновны и ее мужа Герцога Евгения Вюртембергского, принцессам Ольге и Эльзе, своим внучатым племянницам. Эти записки не должны были увидеть свет раньше 50-ти лет со дня смерти Королевы. С разрешения владельца рукописи принца Альбрехта Шаумбург-Липпе, в издательстве Гюнтера Нескэ, в 1955 году, появился ее перевод, сделанный графиней Софией-Доротеей Подевилльс. По этому переводу был сделан баронессой Унгерн-Штернберг русский перевод, появившийся в 1963 г. в вышеуказанном издании.

Этот новый перевод имел полное основание появиться в печати уже по одному тому, что графиня Подевилльс, прекрасно знавшая французский язык, совершенно не знала русских условий жизни, благодаря чему в ее перевод вкрался ряд некоторых несообразностей. Как на пример таковых я позволю себе указать, на первой же странице, на «дворец быков» в Петербурге, под которым подразумевается Таврический дворец, подаренный Екатериной Великой князю Потемкину-Таврическому. Поэтому, я рекомендую всем, знакомым с русским языком, читать именно русский перевод, в котором все подобные ошибки были исправлены.

Книга носит название «СОН ЮНОСТИ» и содержит воспоминания Княжны (род. в 1822 году) до ее брака, с Принцем, впоследствии Королем Вюртембергским, Карлом, состоявшегося в 1846 году. Читатель получает возможность заглянуть в глубину семейной жизни Императора Николая I-го, его супруги Императрицы Александры Федоровны и их семерых детей. Воспоминания Княжны проникнуты любовью к родителям, братьям и сестрам и написаны достаточно объективно, но из массы мелочей создается совершенно отчетливый образ Государя, в большинстве случаев ложно и неправильно переданный историками. Мы читаем о простой жизни тогдашнего Императорского Двора; с другой стороны, перед нами встают картины блестящих приемов и торжеств; все это видят глаза непредубежденного ребенка и, впоследствии, подрастающей девушки. Книга содержит много биографических данных, не только касающихся Петербургского Двора и общества, но и многочисленных родственников Русского Императорского и Прусского Королевского Домов.

Название книги как бы намекает на юный роман, которому не суждено было развиться и который стареющая Королева воспринимает как некий «сон юности». Менее поэтичная передача этого романа находится в Вюртембургском Государственном Архиве в Штуттгарте. Она написана рукой долголетней воспитательницы и статс-дамы Великой Княжны и Королевы, Анны Алексеевны Окуловой, во время пребывания Государыни с дочерью в Палермо, в 1845-46 г.г. Но даже и в той передаче чувствуется трогательная любовь Императора Николая I-го к своей любимице «Олли».

Каждому любителю дворцовой истории XIX века эта книга будет чрезвычайно интересна.

Вильгельм барон Врангель.

«Вестник Прибалт. Дворянства».

«ВЧЕРА». Н. Белогорский. Том 1-ый — Наша война. Мадрид 1964 г.

Когда, впервые в моей жизни, я увидел полотна картин Матисса, я был поражен яркостью цветов широкого мазка, мягкостью контура, странной, донныне неведомой, формой рисунка, казалось примитивного и, в то же время, так много говорившего моей душе славянина, разрешением задачи композиции его творений. Невольно, тогда, встал вопрос — откуда у француза с его математикой точного мышления, могла появиться такая волнующая и умиротворяющая феерия красок, почти славянского мистицизма но объясняющая, понимающая и проща-

ющая все. Я не мог разгадать этого до тех пор, пока не увидел на юге Франции знаменитую часовню этого удивительного мастера кисти и палитры. Только тогда мне стало ясно и понятно, что сам Матисс когда-то знал и изучал не только нашу древнюю икону, но и старое русское церковное зодчество.

Хотя, все виды искусства и связаны и подражаемы, в литературе я никогда не находил отражения школы Матисса и это до последней ночи, проведенной в «запойном» чтении «Вчера».

В Париже над башней Эйфеля уже всходило солнце, когда я закончил последний лист «Вчера», когда я понял, что Н. Белогорский — есть никто иной — как сам Матисс в литературе нашего зарубежья.

На первый взгляд — довольно странное построение фраз, наряд давно забытых слов причудливо переплелись между собой но в этом дивном сочетании услышал я военный клич бойцов от генерала до солдата, идущих в бой за Русь, за честь, за славу прошлого, за подвиги отцов. Писать батальные полотна, задача трудная и мало благодарная... Работы надо положить много, громада полотна не уместается в глазу у зрителя, детали дают, каждая ошибка видна и редко бывает достигнута цель — передать потомкам то о чем думал мастер, когда творил свое произведение.

«Вчера», по своей величине, труд сравнительно малый, но как много он дает уже одной своей, странной и волнующей душу, формой изложения и, как и в основе работ Матисса видно было знание русской иконы, так и во «Вчера» чувствуется влияние скандинавской новгородской работы, одетого на шею воина, идущего в бой за Русь Святую. Древне-русской былинной звучит «Вчера». До наивысшего момента подъема повести вы чувствуете ЖИЗНЬ, которую конец и поражение внезапно превращает в ЖИТИЕ, на берегах Босфора.

Автор смел в своих суждениях и мнениях о том что произошло и по чьей вине случилось поражение. Как истинный рыцарь, он пишет БЕЗ ЗАБРАЛА честно и по военному точно.

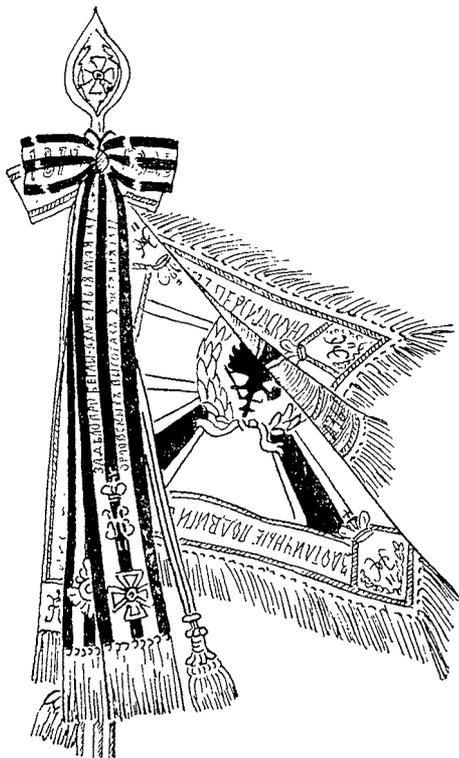
Старую Россию с ее укладом он знал и хорошо ее помнит, от «Звериады» и до камчатского золота и в то-же время, знаком ему и весь Божий мир. О большой художественной ценности произведения говорить не приходится, она достаточно очевидна, а вот для воспитания будущего поколения в русском духе, «Вчера» — сегодня уже стало настольной книгой.

С понятным нетерпением, будем ждать появления второго тома.

Н. К.

ВОИНСКАЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

17-ый ДРАГУНСКИЙ НИЖЕГОРОДСКИЙ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛК.

НИЖЕГОРОДЦАМ.

Полковнику П. В. Дену.

Рожденный в яркий год державного азарта,
Когда Великий Петр все заново кроил,
Ваш полк его азарт к копыю шандарта
Георгиевской лентой прикрепил.

И много-много раз победа озаряла
Азарт ваш боевой на марше двух веков, —
О вас Кюрюк-Дара и кручи Караяла
И Визанев напомнят всем без слов.

Теперь пусты Чир-Юрт и Царские Колодцы,
Но он пробьет — пробьет! — возврата див-
ный час, —

Опять вас позовет на пир, Нижегородцы,
Старинный ваш кунак — блистательный

Кавказ.

В. Сумбагов.

В воскресенье 23 августа, в Храме-Памятнике, в Брюсселе, состоялась трогательная и печальная церемония: оставшиеся в живых семь офицеров 17-го драгунского Нижегородского Его Величества полка, во главе с полковником Петром Владимировичем Ден, передали свой боевой, заслуженный штандарт на хранение в этот храм.

После торжественного молебна, отслуженного настоятелем храма, при пении полного хора певчих, председатель Объединения полка полковник Ден обратился с прощальным приветствием к штандарту,

Нижегородцы! В этом славном храме
Отныне спит штандарт родного нам полка...
Победно реял он над вражьими полями
Теперь заснул, быть может, навсегда.

Но если в грозный час нежданной новой
битвы
Вновь возродится полк и снова вступит в бой,
Он будет с ним! И с пламенной молитвой
Вдохнет победы дух в могучий старый
строй...

Так спи же гордым сном исполненного долга,
Бессмертный стяг любимого полка
Под сенью благостной священного чертога,
В святой обители Державного Вождя.

после чего все офицеры-нижегородцы, по очереди, простились со своей боевой святыней, давши ей последнее целование. Вслед за ними, все присутствовавшие военные приложились к Штандарту одного из славнейших Российских полков. Штандарт 17-го драгунского Нижегородского полка был единственным в Императорской Армии, которому были Высочайше пожалованы широкие Георгиевские ленты.

По окончании церемонии, Нижегородцы собрались за завтраком, на котором чествовали и приглашенных гостей. Задушевные тосты, «Алла-Верды», «Мравалджамие», полковые песни — все это мысленно вернуло нас в незабываемую обстановку славного кавказского полка.

Да живут последние Нижегородцы и верят в то, что в новой Российской армии не будет забыто имя доблестного полка.

А.

ЛЕЙБ - ГВАРДИИ КОННО - ГРЕНАДЕРСКИЙ ПОЛК.

9-го августа исполнилось ровно полвека со дня славного боя у дер. Каушен (в Восточной Пруссии), одного из редчайших в военной истории — встречного боя, неожиданно повстречавшихся на походе, нашей кавалерии с немецкой пехотой.

В память этого знаменательного дня, Объединение лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка, понесшего наибольшие потери в составе, из всех 13 кавалерийских полков, принимавших участие в бою, отслужило панихиду по своим однополчанам офицерам и конно-гренадерам, павшим в этом бою.

Особенная слава выпала на долю 6 эскадрона нашего полка, под командою ротмистра Крамарева. В течение двух с лишним часов упорного боя, этот эскадрон сбил роту противника, прикрывавшую взвод германской артиллерии. Несмотря на тяжелые потери (убитых 2 офицера и 24 конно-гренадера и раненых 3 офицера и 52 конно-гренадера), оставшаяся кучка храбрецов, под командою млад. ун.-офицеров Бондаренко и Зарубина, продолжала продвигаться вперед и, залегши в 150 шагах от орудий, окончательно обезвредила их.

Недаром, наш известный военный писатель

кирасир Ее Величества Г. А. Гоштовт в своем труде «Каушен» отметил этот эпизод как — «полный трагической красоты, упорный бой 6-го эскадрона конно-гренадер».

Объединение полка.

ЛЕЙБ - ГВАРДИИ МОСКОВСКИЙ ПОЛК.

В воскресенье 6-го сентября, Объединение лейб-гвардии Московского полка отмечало пятидесятилетнюю годовщину славного боя под Тарнавкой, когда, показав пример непоколебимой воинской дисциплины, славный полк атаковал, в необыкновенно тяжелых условиях, и одержал блестящую победу, выполнив возложенную на него задачу, потеряв более двух третей своего состава.

В этот день семья Московцев, помолвившись в храме Св. Александра Невского, принимала своих гостей и друзей в помещении музея лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка. Шеф Объединения Великий Князь Владимир Кириллович с семьей почтил своим присутствием этот праздник. В рядах Объединения осталось два офицера — участника этой славной победы: полковник Некрасов и капитан Климович 2-ой.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В № 67 «Военной Были» я прочел отзывы Георгия Цвецинского и В. Кочубея о моей статье «Высота 103», напечатанной в № 64.

В. Кочубей совершенно прав: речь идет о 26-ой пехотной дивизии, в которую входили 101-ый Пермский, 102-ой Вятский, 103-ий Петрозаводский и 104-ый Устюжский пехотные полки. Три первые полка дивизии до войны стояли в Гродно, а четвертый — в Августове.

Я не указал номера полка, атака которого описана в моей статье «Высота 103». Георгий Цвецинский сожалеет об этом, так как его отец, офицер 102-го Вятского полка, участвовал в этом бою и был тяжело ранен. Исправляю пробел: это был 103-ий пехотный Петрозаводский полк.

Фамилию поручика, который повел нашу 12-ую роту в атаку, я обозначил буквой М., так как не мог вспомнить точно. Теперь вспомнил — это был поручик Маслевич. Не знаю, вышел ли он живым из этой бессмысленной атаки, скажу лишь, что он повел роту картинно и смело, не хуже, чем водили в атаки свои части ге-

рой батальных романов. Честь ему и слава!

Моя статья «Высота 103» была отослана в редакцию задолго до появления в № 57 «Военной Были» статьи В. Кочубея «вержболовская группа и гибель XX-го армейского корпуса в Августовских лесах», но напечатана была после этой статьи. Только поэтому в своей статье я не обмолвился ни словом о статье В. Кочубея.

Описание В. Кочубеем трагедии XX-го корпуса я читал, как откровение; впервые мне пришлось читать такое подробное и обстоятельное описание этого события, читал с грустью и с болью в сердце. Не раз прерывал чтение и ходил по комнате, чтобы рассеять досаду и обиду за Русскую Армию, понесшую колоссальные и бессмысленные потери и вынесшую тяжкие страдания под командой бездарных высших начальников.

В № 67 В. Кочубей пишет: «Если бы вышеупомянутая 26-ая дивизия прибыла в Гродно хотя бы на восемь дней раньше, ее атака не была бы такой кровопролитной, как описано в статье, а, главное, она помогла бы нашему

окруженному XX-му армейскому корпусу пробиться в сторону уже близкого Гродно...».

Здесь я мог бы выступить свидетелем обвинения нашего Высшего Командования: да, 26-ая дивизия могла бы прибыть на восемь дней раньше. Наш полк снялся с позиции на реке Бзуре и расположился в деревне вблизи от фронта на стдых. Мы простояли там 3-4 дня, несмотря на обстрел деревни из дальнобойных орудий. После этого, двинулись походным порядком в Варшаву. За один переход дошли до села Коло, где, расположившись по избам, простояли еще 3-4 дня. Повидимому начальство никуда не спешило, так как командир нашей роты, с разрешения командира батальона, поехал на один день в Варшаву к своим родственникам. Я это хорошо помню, так как он прихватил и меня в свою тачанку и я побывал в Варшаве у моего брата. Возвратившись поздно ночью, я застал полк на том же месте и только через 2-3 дня мы двинулись походным порядком на Варшаву.

В приказе по полку предписывалось полку двигаться по улицам Варшавы с музыкой и песнями. Песни мы пели («Помните, братцы, как полк наш сражался под городом Кутно в «Ерманску» войну...»), а музыки не было, — оркестр погиб еще при отступлении из Восточной Пруссии. Мы вошли в Варшаву вечером, на улицах было много народу. На нас смотрели с тревогой, с предчувствием недоброго. Прилично одетые дамы и простые женщины раздавали солдатам папиросы. В Варшаве простояли на улицах много часов, пока началась погрузка. Наш эшелон двигался со скоростью едва ли превышавшей скорость товарного поезда. Почему-то не довели полк до Гродно, а выгрузили на станции Соколка, в 30 верстах от Гродно. Сначала предполагалось расквартировать полк в Соколке и были высланы квартирьеры. Очевидно, тактические действия против немцев должны были начаться, исходя от этого пункта. Возвратившись к месту выгрузки, квартирьеры нашли там только «маяк», направивший их в село Богуши.

У меня не было карты, но я знал твердо, что Богуши расположены где-то в стороне, не по пути на Гродно, верстах в 15-20 от Соколки. От Богушей до Кузницы тоже верст 15-20, если не больше, тогда как от станции Соколки до станции Кузница, лежащей на пути в Гродно, ровно 15 верст. Вместо того чтобы дойти до Кузницы, сделав всего 15 верст, мы тридцативерстным походом разрзушали солдатские сапоги, бывшие и без того в жалком состоянии, беспрерывно падали, имея под ногами скванную гололедицей и отшлифованную ногами дорогу. Было несколько случаев ранения соседей штыком в лицо при падении. Пришлось приказать перевернуть штыки остриями вниз. Были и по-

вреждения ног, растяжения связок. От Кузницы до Гродно прошли еще 15 верст.

Добравшись к вечеру до 12 форта и поужинав из походных кухонь, люди могли, наконец, лечь на солому в крестьянских избах и отдохнуть после изнурительного похода. Отдых был кратковременным: в 1 час ночи нас подняли и, продержав до 10 часов утра на шоссе, на холоде и без пищи, повели в атаку.

Для того, чтобы доставить полк в Гродно, проще было бы разгрузить его на станции Гродно, а не на станции Соколка, тогда не пришлось бы зря терять время и изнурять людей 50-верстным походом по гололедице. Какие-то соображения у Высшего Начальства, очевидно, были, но на меня все это производило впечатление какой-то бестолковщины.

Если считать, что мы простояли 3 дня в резерве, выйдя из окопов на Бзуре, да 3 дня в селе Коло, да полдня в Варшаве на улице и если прибавить к этому ночь, проведенную в селе Богуши, да время, истраченное на 50-верстный поход, то простой арифметический подсчет показывает, что, при желании, можно было бы доставить полк в Гродно на 8-10 дней раньше и, заняв Сопоцкинские позиции, облегчить XX-му корпусу прорыв в направлении на Гродно.

Не думаю, чтобы здесь была измена, вредительство, саботаж. Это была просто неосведомленность Высшего Командования, непонимание обстановки, бестолковщина.

Я здесь все время упоминаю мой полк, так как остальные полки дивизии ускользали из моего узкого кругозора.

Статья В. Кочубея «Вержболовская группа и гибель XX-го армейского корпуса в Августовских лесах» — большой и ценный труд, она поможет будущему историку разобраться в истинных причинах гибели XX-го армейского корпуса.

В. Цимбалюк.

Пользуюсь случаем, чтобы указать ошибки корректуры в моем рассказе «Высота 103»:

1) Фельдфебель был один — Моношкин, никакого Морошкина не было.

2) 2-ой батальон оставался в резерве. Справа от 1-го батальона рассыпался в цепь и шел уступом наш 3-ий батальон, а не 2-ой, как ошибочно напечатано.

3) Правее 5-го позвонка, а не позвончика.

4) Моношкин сказал: «Пусть ученые морочат головы другим, а не мне, не на «ТАКОВ-СКОГО» напали...» Моношкин выразился именно так.

5) Надо читать: «Моментами пулеметные очереди, с рикошета, метут снежную пыль мне в лицо, как порывы ветра — песок на пыльной дороге».

В. Цимбалюк.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

В № 67, издаваемого Вами журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», я прочел интересную статью С. П. Андоленко о «Занесении навсегда в списки частей за боевые подвиги». Говоря о подвиге рядового 284-го пехот. Чембарского полка Василия Рябова, генерал Андоленко, мне думается, допускает незначительную ошибку.

284-ый пехотный полк 71-ой пехотной дивизии носил название «Венгровский», а Чембарский полк 80-ой дивизии имел № 320. Обе эти дивизии в Великую войну составляли XXX арм. корпус генерала Заиончковского.

Штабс-кап. 80-й арт. бригады
А. Сенцов.

О РЯДОВОМ ВАСИЛИИ РЯБОВЕ.

В ответ на интересную заметку шт.-кап. А. Сенцова о Чембарском полку позволю себе привести следующие подробности.

В хронике 196-го пех. Инсарского полка, помещенной в «Дополнении к справочной книжке Императорской Главной Квартиры Герендерские и пехотные полки» стр. 30, написано следующее:

«Зачислен в списки полка: Василий Рябов, рядовой 284-го пехотного Чембарского полка. С 1906 г. ноября 7-го на вечное время (за истинно-храбрый подвиг, запечатленный геройской смертью при исполнении долга).

Примечание: В случае формирования Чембарского полка рядовой Василий Рябов должен быть зачислен в списки сего полка».

284-ый пех. резервный Чембарский полк был сформирован 10 июня 1904 г. После Японской войны Чембарский полк был расформирован и кадры его были влиты в 216-ый пех. резервный Инсарский полк, в 1910 г. вошедший в состав первоочередной пехоты, с номером 196. Вот почему имя Рябова было передано 196-му пех. Инсарскому полку.

В 1914 г. при формировании 320-го пех. Чембарского полка, Рябов, как будто должен был быть внесен в списки этого полка. Действительно Высочайший приказ предвидел передачу его имени не 284-му полку, а Чембарскому. Было ли это сделано в действительности, нам неизвестно.

С. Андоленко.

К ОТВЕТУ Б. БУЧИНСКОГО В.фон РИХТЕРУ.

1-ая гвардейская кавалерийская дивизия никогда в Козловорудский Отряд не входила и не имела задачей охранять фланг этого отряда. От начала февраля и до мая 1915 года находилась она на правом фланге 10-ой армии, который и должна была охранять и вести разведку, между прочим, и в том пространстве, в котором находился совершенно ненадежный, импровизированный Козловорудский Отряд, подчиненный коменданту Ковенской крепости.

Если бы она была подчинена этому отряду, то раз г. Б. Бучинский, в то время капитан, был его начальником штаба, то ему был бы подчинен и начальник штаба 1-ой Гвардейской кавалерийской дивизии, в то время профессор Военной Академии ген. штаба полковник Матковский. Бывало много у нас организационных «уродств», но такого никогда не было.

Читателей, интересующихся этим Козловорудским Отрядом, отсылаю к моим статьям № 55 «ВОЕННОЙ БЫЛИ» — «Из воспоминаний об одной дальней разведке» и в № 62 — «Козловорудские леса».

В. Кочубей.

О ДЕЛЕ МЯСОЕДОВА.

В № 67 издаваемой Вами «ВОЕННОЙ БЫЛИ» напечатано письмо г. Бучинского, касающееся дела полковника Мясоедова. Вот что я слышал в эмиграции об этом деле: лет 25 тому назад, в Афинах жил некто поручик Кулаковский. От него самого и его знакомых я слышал следующее. Поручик Кулаковский, попавши в плен к немцам, стал выдавать себя за «щирого украинца». Немцы поверили и предложили ему работать их агентом в России. Получив адрес полк. Мясоедова, с которым он должен был войти в связь, поручик Кулаковский был переброшен немцами в Россию, где он, вместо Мясоедова, явился по начальству и донес обо всем. По словам Кулаковского, именно, на основании его показаний, Мясоедов и был судим и казнен. Полагаю, что было-бы интересно разыскать поручика Кулаковского, если он еще жив, и получить от него описание этого интересного воено-исторического события.

И. Власков.

**К СТАТЬЕ В. Е. МИЛОДАНОВИЧА
«БАКЕНБАРДЫ» в № 67 «ВОЕННОЙ БЫЛИ».**

Прилагаю справку из газеты «ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВЕСТНИК» № 69 от 27 марта 1901 года.

Приказ Военного Министра 10 марта 1901 г. № 96: ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР 20 февраля с. г. Высочайше повелеть соизволил: Разрешить:

1) Юнкерам военных и юнкерских училищ носить усы, бороду и бакенбарды.

2) Всем кадетам и воспитанникам Вольской Военной Школы носить усы, но бороду и бакенбарды брить.

Объявляю об этом по Военному Ведомству.

Сообщил **Б. А. Николаев.**

**К СТАТЬЕ А. БРОФЕЛЬДА:
«РОССИЙСКИЕ КАДЕТСКИЕ КОРПУСА»**

27-го мая получил № 67 журнала, который с удовольствием и внимательно прочел, но в указанной статье нашел несколько неточностей: 1) Погоны Николаевского кадетского корпуса были с черным кантом. 2) Пояс был не белый лосиной кожи, а шерстяной кушак трех цветов — средняя полоса черная, а две боковых — красные. Бляхи не было, а пряжка, покрытая пришивной гайкой, тех же цветов. 3) В строю 1-ой роты винтовки были за плечами, подсумок держался на шейном ремне. Все ремни были из белой лосиной кожи. Темляк на шашке из красной юфти. Все приемы в строю делались шашкой. 4) Трафареты: Нижегородского корпуса — «Г. А.»; Одесского — К. К. одна буква в другую; Ярославский — Яр. К.; Сумского — См. К.; Владикавказского — Вл. К.; Корпуса Императора Александра II в 1-ой роте — накладной вензель А. II.

И. Ф. Рубец.

В № 66 «ВОЕННОЙ БЫЛИ» в моей статье «Адмирал Колчак», нашел несколько ошибок, из которых хотел бы некоторые исправить: стр. 6 строка 46 не «яркости», а «ясности» и на стр. 9 строка 21-я после слова «прерогативы», пропущено слово «правительственной власти». Затем, в ответ на многие вопросы, должен сказать, что выдержка о «коммерческих делах» полк. Шипа взята мною, без каких-либо изменений, из статьи самого Шипа, помещенной в сборнике «Гражданская война на Волге в 1918 году», изданном эс-эрами в Чехии.

А. Ефимов.

В ответ на вопрос А. К. Крыжицкого в № 66 «ВОЕННОЙ БЫЛИ», я могу сообщить

следующее; в Заамурских конных полках: 1) Седла у нижних чинов были казачьи. У офицеров большинство лошадей были забайкальские на 2-3 вершка выше монголок. Седла были драгунские, но у офицеров-казаков — были казачьи. 2) Шпоры нижним чином положены не были. Носили солдаты нагайку. 3) Флюгеры на пиках не было да и не было самих пик. Сведения эти мне дал ротмистр Заамурского конного полка Лорас Петрович Межак, выпущенный, по ходатайству Вел. Князя Константина Константиновича, по Высочайшему повелению, из Николаевского кавалер. училища непосредственно в Заамурский конный полк.

Б. Эриксен.

Прошу не отказать внести некоторые поправки в мою статью «Доброй памяти нашего старого командира», помещенную в № 67 «ВОЕННОЙ БЫЛИ». 1) Не «Кавказская» война, а «турецкая». 2) Вместо «Хреновский» — «Стрелецкий» завод. 3) Вычеркнуть «кроме наездников».

Ротмистр Глеб Байков.

В № 58 «ВОЕННОЙ БЫЛИ» в статье С. Андоленко «Забывшие отличия», во втором абзаце пропущено, что Императрица Анна Иоанновна числилась полковником в Лейб-Кирасирском полку (впоследствии лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества Императрицы Марии Федоровны) с 1 ноября 1733 года. Полковником этого же полка числилась и Императрица Елисавета Петровна с 25 ноября 1741 г. и Императрица Екатерина II с 5 июля 1762 г. Все три Императрицы числились полковниками полка по день их кончины, а фактически командиры, в этот период, именовались вице-полковниками.

И. Рубец.

Дорогие друзья, в № 67 «ВОЕННОЙ БЫЛИ», на стр. 68, в заметке «Неопознанные знаки», С. Андоленко интересуется авиационным знаком. Должен внести поправку в первую часть, где он говорит «отличается от знака Сфицерской Воздухоплавательной Школы» — не ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬНОЙ, а АВИАЦИОННОЙ, ибо у воздухоплавателей был свой знак — якорь и крылышки. Вопрос идет о знаке Военной Школы Летчиков — наблюдателей. Вертикально поставлена подзорная труба (золотая), а не орудие. Знак был почти такой же, как и у окончивших Авиационную школу, вставлена была только позолоченная труба для наблюдения. Эта школа была учреждена в городе Киеве, в конце 1915 года.

С искренним уважением и приветом летчик-наблюдат. шт.-кап. **Стефановский.**

Н. Белогорский - В Ч Е Р А

РОМАН В ДВУХ ЧАСТЯХ. ТОМ ПЕРВЫЙ — НАША ВОЙНА.

Рассказ о редко доблестной жизни одного из живших среди нас в действительности русского офицера. Доблестной в боях и самоотверженной в любви. Роман охватывает и нашу Белую войну и сорокалетнюю эмиграцию. Со свойственным автору талантом, показаны героические картины борьбы Добровольческой армии, Царицын, оборона Крыма, ряд лиц, уже вошедших в историю, жизнь и быт рядового русского офицерства в эпоху гражданской войны.

Цена без пересылки: зона франка — 20 фр. фр., зона доллара — 4 амер. доллара.

Продажа в Издательстве «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» 61, rue Chardon-Lagache, Paris 16, в русских книжных магазинах Парижа, у наших представителей за границей, в Музее Русской Конницы: Mr. Drobachevsky 508, Harral Ave Apt. 602 Bridgeport 4, Con. U.S.A. и у И. А. Глебова: 218, Central Ave, Van-Wert, Ohio U.S.A.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА «ВОЕННОЙ БЫЛИ»

ВЫШЛИ В СВЕТ:

- № 1 — **П. В. Пашков** — Ордена и знаки отличия Гражданской войны — 6 фр.
- № 2 — **Евгений Молло** — Русское холодное оружие XIX в. — 2 фр.
- № 3 — **В. П. Ягелло** — Княжеконстантиновцы — 1 фр. 50 с.
- № 4 — **В. Альмендингер** — Симферопольский Офицерский полк — 6 фр.
- № 5 — **Евгений Молло** — Русское холодное оружие эпохи Императора Николая II — Князь **Н. С. Трубецкой** — Нижегородская шашка — 2 фр.
- № 6 — Сборник **П. А. Нечаева** — Алексеевское Военное Училище — 4 фр.
- № 7 — Вел. Княжна **Ольга Николаевна** — Сон юности — 15 фр.

Вышел из печати и поступил в продажу
сборник

АЛЕКСЕЕВСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ

Составил **П. А. Нечаев** по воспоминаниям юнкеров. «Военно-историческая Библиотека» «ВОЕННОЙ БЫЛИ». 36 стр. со многими фотографиями и портретами.

Цена — 4,00 фр.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЖУРНАЛ

« Ч А С О В О Й »

Орган связи Российского Национального Движения

под редакцией **В. В. Орехова.**

Подписная плата во Франции: 12 фр. (12 мес.), отд. номер 1 фр. 20 сант.

Представитель для Франции:

Librairie «Кама» — 27, rue de Villiers.
Neuilly-sur-Seine.

Вышел из печати том III — ИСТОРИЯ лейб-гвардии КОННОГО полка изд. князя Белосельского-Белозерского, под ред. **А. П. Тучкова** и **В. И. Вуич.** 150 фр. фр. Продается на складе «ВОЕННОЙ БЫЛИ».

Принимается подписка на 1964 год на военно-национальную газету

« ВЕСТНИК »

Издание Совета Обще-Кадетских Объединений за рубежом, под редакцией
А. А. ГЕРИНГА

Четырнадцатый год издания

Подписка принимается по адресу редакции: 61, рю Шардон-Лагаш, Париж 16, а также у всех представителей «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и «ВЕСТНИКА» в провинции и за границей.

Подписная цена с пересылкой на год — 10 фр., в странах заокеанских — 3 дол.

Почтовый счет: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.

НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ КОТОРЫХ ИДЕТ В ПОЛЬЗУ ИЗДАТЕЛЬСТВА

- Вел. Кн. ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА — Сон Юности — 15 фр.
М. СВЕЧИН — Записки старого генерала — 12 фр.
М. КАРАТЕЕВ — Богатыри послулись т. 1 — 15 фр.
Н. И. КАТЕНЕВ — Повесть о двух друзьях — 15 фр.
А. П. БОГАЕВСКИЙ — Воспомяная 12 фр.
Кирасиры Его Величества — Последние дни мирной жизни — 10 фр.
Л. МАСЯНОВ — Гибель Уральского казачьего войска — 12 фр.
В. И. ШАЙДИЦКИЙ — На службе Отечеству — 30 фр.
БОГДАНОВИЧ — Полтавская виктория — 2 фр.
Русская Военная Библиот. вып. 1 — 1 фр.
Ю. СЛЕЗКИН — Две семьи — 5 фр.
Кн. ИЩЕЕВ — Осколки прошлого — 7 фр. 50
А. А. ЗАЙЦОВ — Служба Генераль. Штаба — 15 фр.
А. А. ЛАМПЕ — Пути верных — 16 фр.
А. Л. МАРКОВ — Кадеты и юнкера. — 20 фр.
Г. А. ГОШТОВТ — Кирасиры Его Вел. тома 2 и 3 вместе — 25 фр.
К. С. ПОПОВ — Лейб-Эриванцы в Великой войне — 20 фр.
В. Е. ПАВЛОВ — Марковцы т. 1 — 25 фр.
Б. М. КУЗНЕЦОВ — Дагестан в 1918 г. — 9 фр.

ЖУРНАЛ «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris 16 и в русских книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездкина — 1, Chemin Ducal, Tervuren.

Лондон — а) у Е. А. Барачевской — 23, Alder Grove, London N. W. 2, б) у Д. К. Краснопольского — 19, Warwick Road, London S. W. 5.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg-Postamt 33, Deutschland. Postlagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhagen.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense 86, Roma.

Сев. Ам. С. Ш. — а) в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 Avenue San-Francisco 18, б) у С. А. Кашкина — P.O.Box 68, Bellerose 11426, L. I., N. Y.

Канада — у Б. Л. Орешкевича, 167, Chisholm Ave, Toronto 13, Ont.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 57, rue Bruce, Stanmor (N.S.W.); б) у Н. А. Косач, 16, Valmai Ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — Alta Vista Calle, Guayaquil № 16, Caracas.

Аргентина — у Г. Г. Бордокова, Zapiola 4192 Buenos-Aires, Argentina.